

18+

Разумная ЖИЗНЬ

книга первая

Александр Краснов

Александр Краснов

Разумная жизнь. Книга первая

«Издательские решения»

Краснов А.

Разумная жизнь. Книга первая / А. Краснов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981466-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Как зародилось человечество? Что ждет его впереди?.. Кто мы? Откуда? И для чего мы живем?.. Что такое вселенная на самом деле? Есть ли у нее границы, а если и есть, то что за ними находится?.. Существует ли жизнь во вселенной? Что из себя представляет феномен НЛО?.. А есть ли Бог?.. На эти и на многие похожие вопросы пытаются ответить главные герои романа, каждый своим путём. И все началось в 2035 году, с высадки первых колонистов на Марс... А может быть, все началось гораздо раньше?..

ISBN 978-5-44-981466-1

© Краснов А.

© Издательские решения

Содержание

Великое противостояние	6
Пролог	7
Глава 1	16
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Разумная жизнь Книга первая

Александр Краснов

© Александр Краснов, 2020

ISBN 978-5-4498-1466-1 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-1467-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Есть многое на свете, друг Горацио,
что и не снилось нашим мудрецам.

У. Шекспир.

Великое противостояние

Чудес не бывает, бывают явления природы,
о которых мы ничего не знаем.

15.05.2004.

Пролог

Черноволосая, улыбающаяся девочка в красивом белом платье, сидела во главе небольшого столика, вокруг которого неторопливо суетились мужчины и женщины. Дети, сидевшие рядом с девочкой, нервно ерзали, то пытаясь встать, то тянули руки за сладостями, которых на этом столе было полным-полно. Взрослые дяди и тети, переговариваясь между собой, то и дело поглядывали на стол, охраняя его неприкосновенность. Было ощущение, что все чего-то ждут, но это что-то так и не происходило.

– Кайл, – ласково отдернула мальчика полноватая женщина, видя, как его рука осторожно тянется к перевязанным разноцветными, подарочными ленточками, коробкам, находившимся за спиной девочки, – Кайл, дорогой. Будь джентльменом. Уже скоро. Потерпи.

Кайл недовольно посмотрел на мать, убрал руку, и в тоже время, хитро покосился на вазу, доверху наполненную конфетами.

И вот суета прекратилась, взрослые как один заулыбались и захлопали в ладоши. Из-за угла соседней комнаты появилась празднично одетая женщина, напевающая: – С днем рождения тебя... В руках у нее был торт с зажженными свечами.

– ...С днем рождения тебя... – подхватили и взрослые и дети, обратив свой взор на девочку во главе стола, – ...С днем рождения тебя Саманта, с днем рождения тебя.

Женщина поставила торт на столик, нежно посмотрела на именинницу и ласково произнесла: «Сэм, сегодня твой день. Сегодня твой праздник. Сегодня, 22-го сентября 2014 года, тебе исполнилось 6 лет. Поздравляю тебя. Ты повзрослела еще на один год. Ты стала уже совсем большой. Господи, как быстро летит время. А ведь я помню, когда тебя родила. Ты была вот такой малюсенькой, малюсенькой крохой» – она сделала жест руками, держа перед собой ладони на небольшом расстоянии друг от друга – «Боже. Даже не верится. У меня такое ощущение как будто это было только вчера» – женщина ностальгически вздохнула, а затем мягким голосом добавила – «Ну ладно. А теперь, солнышко, ты можешь загадать желание. И пусть все, о чем ты мечтаешь исполнится».

Саманта довольно улыбнулась, закрыла глаза, и немного подумав, набрала воздух в грудь. Неожиданно раздался громкий стук в дверь. Девочка выдохнула, посмотрела в сторону двери и сделала кислое лицо.

– Ну вот, -недовольно сказала она, – а я только представила себе... – и обведя взглядом окружающих, загадочно добавила, – ...а что, не скажу.

– Ребека, я открою, – произнес мужчина в дорогом, строгом костюме, обращаясь к матери Саманты. Он поставил бокал с вином на камин и направился к входной двери.

Ребека растеряно взглянула на него, и повернувшись к Саманте, сказала: «Подожди немножко. Сейчас папа вернется и тогда ты задуешь свечи, а пока...» -женщина слегка покраснела, ловя на себе ожидающие взгляды гостей – «а пока давайте...»

На пороге послышался недовольный голос отца Саманты. Было слышно, как он с кем-то спорил. Затем дверь хлопнула и мужские голоса стихли.

– Простите, я на секундочку, – скрывая неловкость, Ребека направилась к двери. Через минуту, с улицы, послышалась приглушенная, но слышимая, чрез входную дверь, ругань.

– Рик, ты же обещал, -сказал женский голос.

– Я все понимаю, но я должен идти, – ответил мужской, – это моя работа...

– Неужели она тебе дороже родной дочери?

– Не говори ерунды. Благодаря этой работе у нас такой дом.

– Да провались он...

– Хватит, говори тише, -крикнул Рик и голоса стали еле слышными.

– Саманта, лапочка, – обратилась к прислушивающейся девочке полная женщина, – а расскажи-ка нам, о своем желании. Чего ты хочешь?

– Нет. Не скажу, – загадочно ответила девочка, – Это секретная информация.

– Секретная информация, – удивлено повторила полная женщина, – И кто это интересно научил тебя так говорить?

– Мой папа, – отвлечено произнесла Саманта, и услышав звук открывающейся двери, встала из-за стола, и побежала навстречу, к входящему в дом отцу, – Папа, папа, ты что уходишь?

– Да зайка, но я ненадолго, – Рик присел и обнял дочь.

– Но папа, а как же торг. Ведь я еще не загадала желание.

– А знаешь что, я ведь знаю твое желание.

– Я тебе не верю, – удивилась Саманта, – Так не бывает.

– Бывает, – Рик нежно улыбнулся, – Помнишь я тебе рассказывал истории о том, что я также, как и твои любимые супергерои, спасаю мир. Борюсь со злом. Защищаю людей. Помогаю ловить и уничтожать разных инопланетных монстров и супер-злодеев.

– Помню.

– Так вот, – еле слышно произнес Рик, – Я тебе об этом раньше не говорил. У меня тоже есть суперсила, как и супергероев. И эта сила заключается в том, что я умею читать мысли маленьких девочек. Хочешь скажу, о чем ты мечтаешь?

– Хочу, – Саманта ожидающе-изумленно смотрела в глаза отца.

– Ты... – Рик ненадолго задумался, – ...Ты мечтаешь об огромном, плюшевом зайце.

Саманта немного помешкалась, обняла отца, а затем, шепнув ему на ухо, нехотя соврала: «Правильно».

– Ну вот видишь, я же сказал, что знаю. Вот я вернусь и принесу его тебе, – ласково произнес Рик, отодвигая от себя дочь, – Сэм я быстро. За зайцем и обратно.

– Саманта. Иди к столу, – сказала, входящая в дом Ребека, с трудом выдавливая на лице довольную улыбку, – Иди, солнышко. Гости ждут.

– Папа, а ты точно скоро придешь? – доверчивый взгляд девочки снова вонзился в глаза Рика, – Обещаешь? Обещаешь?

– Обещаю, – ответил тот, виновато-лукаво опуская голову вниз, – Ну все. Давай беги, – он поцеловал дочь в щечку, встал, снял с вешалки серый, осенний плащ, и сухо посмотрел на жену.

Та хотела что-то сказать, но Рик резко остановил ее: «Потом поговорим. У меня сейчас нет времени на пустую болтовню».

Затем он подошел к входной двери и открыл ее. Вдруг за его спиной раздался звонкий голос дочери: «Папа... Папа, я буду ждать тебя. Возвращайся быстрее». Рик на мгновение замер. Ему захотелось обернуться и сказать Саманте что-нибудь теплое, что-нибудь доброе, что он в конце концов любит ее как никого на свете, но он не сделал этого. Он просто переступил порог и резко захлопнул за собой дверь, из-за которой еще пару раз послышалось: «Папа... Папа, я буду ждать тебя».

Легкий осенний ветерок ворошил упавшие пожелтевшие листья. Вечернее солнце, еле еле пробивалось, сквозь окутавшие его облака. Рик посмотрел на черный джип, ждавший его, и накинув плащ, быстрой походкой, направился к нему. Взявшись за ручку двери автомобиля, он обернулся и посмотрел на свой дом. Его лицо на мгновение изменилось. В нем можно было прочесть и тоску, и жалость и еще какие-то непонятные эмоции, известные только самому Рикку. Он чувствовал, что в нем что-то меняется, что внутри него что-то происходит, и те остатки, дорогих его сердцу чувств, постепенно растворялись и исчезали. А иногда, их просто

приходилось от себя отгонять. И чем чаще он их отгонял, тем быстрее они уходили куда-то в небытие и пропадали там навсегда.

Он открыл дверь и сел на переднее место рядом с водителем.

– Ох уж эта семейная жизнь... - услышался сзади незнакомый голос. Рик обернулся и увидел, сидящего за собой, светловолосого мужчину.

– ...Семья, – это как непостижимая стихия, – философствовал незнакомец с ехидной улыбкой, – То она течет спокойно, то неожиданно надвигается ураган и никогда не знаешь, чего ожидать впереди.

Рик вопросительно посмотрел на Джона, сидевшего рядом с блондином.

– Простите, не представился, – фальшиво изобразил скромность незнакомец, – Мое имя и моя должность вам ничего не скажут. Просто зовите меня... – он задумчиво замолчал, как-то странно улыбнулся, а затем, с той же непонятной улыбкой, добавил, – ... ну скажем, «человек в черном».

Джон тоже слегка улыбнулся, утвердительно кивнул Рiku головой, и коснувшись рукой плеча водителя, спокойно сказал: «Поехали».

Машина тронулась с места и красивые, трехэтажные особняки медленно поплыли, отражаясь в тонированных стеклах автомобиля. Рик, с еле заметной грустью, посмотрел на удаляющееся крыльцо своего дома через заднее окно машины, и переведя взгляд на человека в черном, чуть наглово сказал, – Как скажете, сэр.

– Возьми, – Джон протянул Рiku, небольшую стопку бумаг, – Здесь распечатка записи телефонного разговора фермера с полицейским, штат Айова. Два дня назад.

Взяв ее, Рик отвернулся и стал перелистывать, – Все это уже показывали в новостях. И ради этого вы вытащили меня со дня рождения моей дочери? – сказал он, закрывая стопку, – Ничего страшного. Единичный случай. Думаю, штату повезло. Круги на полях и свидетели летающих тарелок хорошая приманка для уфологов-любителей и туристов.

– СМИ... – на лице человека в черном появилась равнодушная, самоуверенная улыбка, – ...СМИ иногда лгут и не всегда обнародуют полную, достоверную информацию. И вам это очень хорошо известно, – затем человек в черном перевел взгляд на Джона и спокойным голосом добавил, – Кстати, это не единичный случай.

– Здесь... – Джон протянул Рiku вторую стопку, – ...несколько звонков журналистам, записанных вчера, штат Миссури, штат Оклахома и штат Канзас.

Рик повернулся в пол оборота и потянул руку за листами.

– А здесь, – Джон сунул ему вместо одной, сразу несколько стопок, – Сегодняшняя запись, штат Иллинойс, Висконсин, Миннесота, Небраска, Северная и Южная Дакота.

– А это уже интересно, – сказал Рик, бегая глазами по напечатанному, бумажному тексту, – Такого еще не было. Каковы масштабы?

– Пока охвачено десять штатов. Что будет дальше неизвестно, – ответил Джон, – Но уверяю тебя, дружище, что на территории этих штатов круги будут продолжать появляться.

– С чего ты взял?

– Вот снимки с беспилотника, – вмешался человек в черном, сунув Рiku папку с надписью «Совершенно секретно», в которой было несколько фотографий, – Там отчетливо видно, что круги выстраиваются в ряд линий и тянутся на многие километры, образуя более масштабный рисунок. А это... – светловолосый протянул еще несколько снимков, – ...съемка со спутника-шпиона.

Рик взял последние фотографии, внимательно рассмотрел их, и повернувшись к собеседникам, удивленно сказал: «Этого не может быть. Только не говорите мне, что это...»

– Полностью увидеть фигуру и понять, что там изображено можно только с высоты более двух тысяч километров. И как ты видишь, фигура еще не завершена, – перебил его Джон и слегка улыбнувшись, спросил, – Ну, как тебе? Похож на оригинал?

– Не то слово, – ответил Рик, снова взглянув на фото, – Сходство поразительное, если не обращать внимание на те места где рисунок не закончен, – он обвел взглядом сидящих сзади, – Какова моя задача?

– Ваша задача-устранить саму причину появления рисунка, – ответил человек в черном, – Мы и так потеряли очень много времени. К тому же общественность начинает задавать ненужные вопросы. И некоторые из этих вопросов, ведут к нам. А лишняя огласка нам не к чему. Так что основную проблему надо решать. И решать, как можно быстрее. Тем более, не ровен час, подлинная правда о кругах на полях может всплыть на поверхность, что по словам наших экспертов приведет к религиозной истерии и беспорядкам. А это значит, что у общественности возникнет еще больше ненужных вопросов. Ну, не мне вам объяснять.

Человек в черном взглянул на Джона как бы передавая ему ход.

– Несколько групп уже занимаются кругами в Миннесоте, Северной и Южной Дакоте, Небраске и Висконсине, – начал тот, – Одни мы выдадим за подделку, другие уничтожим, а вот первостепенную задачу должен выполнить человек имеющий опыт в подобных делах. Извини, что испортили тебе праздник, но из всех предложенных кандидатур твоя оказалась самая подходящая.

На мгновение глаза Рика злобно вспыхнули, но через секунду его лицо приняло азартное выражение, а на губах промелькнула чуть заметная тень улыбки: «Значит опять как в старое доброе... Значит снова повторим подвиг отцов наших в Розуэлле. Где должен произойти контакт?»

– Ты летишь в Айову, так сказать, в самый эпицентр событий. Этот штат является практически центром всего рисунка, – Джон слегка нагнулся и протянул к Рику планшетник с изображением карты, то водя по ней пальцем, то увеличивая и уменьшая масштаб, – Наши специалисты проанализировали снимки и по их прогнозам, предположительно здесь и здесь, – Джон остановил палец, – должны появиться следующие круги. Военные уже отцепили район на несколько километров. Нам нужен свой человек в этом муравейнике. Ты должен идентифицировать объект, удостовериться, и дать добро на его перехват. Истребители Ф-16 будут готовы подняться в воздух с базы «Линкольн-Кэпитал» по первому приказу. Также, для облегчения задачи, в небе постоянно будут дежурить два автоматических беспилотника. И главное, Рик, при экстренной необходимости, возьмешь управление операцией на себя... – Джон поднял глаза вверх, как будто пытался что-то увидеть у себя на лбу, – ...Если что, там дали зеленый свет. Опыт командования у тебя есть. Вспомнишь молодость: «Бурю в пустыне», Афганистан...

Рик посмотрел вперед и увидел приближающийся аэропорт. Джип сбросил скорость, аккуратно въехал в ворота и остановился возле небольшого, частного самолета.

– ...Здесь развернули полевой штаб, – продолжал Джон, тыча пальцем в планшетник, – Там тебя встретит майор Колинз. Основная задача известна только тебе и ему. Для остальных она должна оставаться в секрете, по крайней мере, пока не будут достигнуты результаты. Запомни, легенда для «овец»: устранение очага заражения сибирской язвой. Похожее заявление готовится для СМИ. При удачном исходе операции в район будет отправлена группа зачистки, а все свидетели, как и обычно, будут обработаны по старой системе, – Джон лениво откинулся на спинку сиденья, – Ну все. Думаю, ты справишься. Полтора часа полета, пол часа на машине, и ты будешь на месте.

– А если всё-таки утечка произойдет? – спросил Рик, обернувшись, – Например найдется какой-нибудь случайный очевидец, возмнивший себя звездой Ютюба, или вдруг объявится назойливый репортер, как муха почуявший запах сенсаций? А вы знаете, что нет ничего хуже упрямого репортера.

– Не беспокойтесь, – спокойным голосом ответил человек в черном, – Если что, средства массовой информации я возьму на себя. Но если что-то пойдет не так. Если вдруг, по каким-либо причинам ситуация начнет выходить из-под контроля, то тогда... – он сделал короткую паузу, и в тишине этой паузы прозвучало что-то жуткое и леденящее душу, -...то тогда мы будем действовать по протоколу.

– Я надеюсь в этот раз убивать президента не придется? – попытался пошутить Рик, – Время сейчас не то. В нашу эпоху это стало как-то не модно.

Глаза человека в черном скользнули по Рику, и тот почувствовал в этом взгляде ненависть. Черствую, безразличную, равнодушную ненависть, замораживающую своим ужасающим холодом все что с ней не соприкоснется.

– Не вам судить, что модно, а что нет, – дерзко произнес человек в черном, – И мне кажется, что вам давно уже пора приступить к своим обязанностям.

Рик ничего не ответил, покорным взглядом окинул сидевших сзади, а затем отдав документы Джону и открыв дверь, вышел из машины.

Подойдя к трапу самолета, он вдруг неожиданно остановился, повернулся и направился назад к джипу. Постучав пальцем по окошку задней двери, он слегка наклонился, и увидев в открывающейся щели лицо Джона, сказал: – Купи Саманте большого плюшевого зайца и скажи... -он замолчал, задумался, затем резко развернулся и быстрым шагом пошел обратно к самолету.

– Что сказать то? – крикнул Джон ему в след, но не дождавшись ответа, и наблюдая, как медленно закрывается трап, тихо добавил, – Ладно. Сам что-нибудь придумаю.

Солнце уже скрывалось за горизонтом. Холодный ветер, дувший с севера, нес с собой серые облака, которые медленно заволакивали остаток розово-голубого неба. Вдалеке, окруженном бесконечными, кукурузными полями, постепенно загорались электрические огоньки, неизвестных, Рику, фермерских построек.

Он аккуратно шел по мягкой земле, то и дело, поглядывая под ноги, стараясь не замарать дорогие, кожаные туфли.

– Когда придем, вы сможете принять душ и переодеться в военную форму, – сказал ему, заметивший это, идущий рядом, человек в камуфляже. Военный был слегка седоват и гладко выбрит, а его уверенная, твердая походка говорила о надменности, перед непонятно откуда взявшейся «штабной крысой».

– Спасибо, майор, – ответил Рик, доставая из внутреннего кармана плаща сотовый телефон, -Думаю в этом нет необходимости.

Они приближались к палаточному городку, расположенному в поле, недалеко от дороги, которую перекрыли два «хамера», с вооруженными морпехами. Лагерь был хорошо освещен, а его периметр окружала не высокая металлическая сетка с колючей проволокой.

– Как вам мой шофер? Не надоел в дороге? – спросил майор, – а то он очень любит поболтать за рулем. Часами может травить анекдоты. А на войне, юмор-это главное составляющее для поднятия боевого духа.

– Да уж, этого качества ему не занимать, – согласился отстранено Рик, думая о чем-то своем и удаляя пропущенные звонки.

– И давно пентагон занимается... -военный ехидно понизил голос, -...зелеными человечками?

– Майор, вы, наверное, хотели сказать «этой проблемой», – серьезным тоном ответил Рик, – и эта проблема... -он холодно взглянув на Колинза, -...угрожает национальной безопасности США.

– Простите, – в голосе майора прозвучали нотки высокомерия, – Неужели вы думаете, что я поверю во всю эту чушь, что показывают по телевизору. Я думаю, мы зря здесь торчим. Солдаты начинают задавать вопросы. Все это выглядит как-то странно и глупо...

– Майор, – прервал его Рик, – Ваша задача не думать, а выполнять. Верить или нет это ваше право. Но «11 сентября» покажется сказкой, по сравнению с той угрозой, которую мы здесь предотвращаем.

Они прошли мимо двух часовых, охранявших вход в лагерь и повернув направо, вошли в одну из палаток, над которой возвышалась спутниковая тарелка. Два Морпеха, находившихся в палатке, мгновенно встали со своих мест и отдали честь.

– Вольно, – практически не обращая на них внимание, скомандовал майор, – Капрал доложите обстановку.

– Несколько минут назад, была предотвращена попытка въезда в зону гражданских лиц, – отрапортовал молодой морпех, снова усаживаясь за стол, на котором стояло два монитора, – А так... Можно сказать, все спокойно, сэр.

Майор чуть презрительно покосился на Рика, также чуть презрительно улыбнулся, и подойдя к кофеварке, налил себе кружку.

– Может кофе, – обратился он к Рику, – или чего покрепче?

– Нет, спасибо, – ответил тот, сделав вид что не заметил выражение лица майора. Он подошёл к капралу, наклонился и посмотрел в один из мониторов, с медленно двигающимся, черно-белым изображением, транслировавшимся с камер беспилотников.

– Ну как хотите, – Колинз поднес кружку к губам и сделал глоток, – Если что-нибудь понадобится...

В кармане Рика зазвучала мелодия. Он достал сотовый телефон, и прочитав СМС, взглянул на майора, – Извините. Это личное. Я отойду ненадолго.

Выйдя на улицу, он посмотрел вокруг. Было уже темно. Ни одна звезда не могла пробиться сквозь черню пелену облаков, покрывшую собой все небо. Тени, от освещённых фонарями палаток, плавно ложились на землю и медленно по ней скользили. Рик глубоко вздохнул свежий, прохладный воздух и набрал номер телефона жены.

– Теперь ты решил позвонить сам, – после долгих гудков, в трубке, раздался слегка раздраженный женский голос, – Ты обманул ее, Рик. Она так сильно тебя ждала. Ты...

– Бека, прости, – перебил он ее, виноватым голосом, – Так получилось. Мне очень жаль.

– Ах тебе жаль. Да она до сих пор не спит, – крикнула Ребека, а затем понизив голос жалобно добавила, – Она плачет, Рик, и до твоего подарка, который должен был подарить ей ты, она даже не дотронулась...

– Это папа? — раздался удаленный детский голос в телефоне, – Мама, дай мне. Але... Папа, это ты?

– Да, зайка, – радостно улыбнулся Рик, – Это я.

– Папа, почему ты не пришёл? Ты меня не любишь?

– Что ты говоришь, милая? Я просто не смог. Прости. Вот закончу дела и скоро приеду...

– Ты опять меня обманываешь. Ты лгун. И все что ты говорил мне про суперсилу тоже вранье. У меня было другое желание. И еще... И еще я не люблю тебя, – вдруг резко отрезала Саманта, – И я не буду с тобой говорить...

– Зайка, подожди, – крикнул Рик, до боли сжимая телефон в руке.

– Я так больше не могу... – раздался в трубке заплаканный голос Ребеки, – ...Это не может так дальше продолжаться. Я подаю на развод. И я все сделаю, что бы она осталась со мной. Ты меня слышишь. Я все сделаю. Я найму лучших адвокатов...

– Ты не можешь... – перебил ее Рик и почувствовал, как к его горлу поднимается комок. И этот комок был наполнен страшной злостью и ненавистью, таившимся где-то у него внутри. И этот комок, как раскаленная лава вулкана, готов был вырваться на поверхность и уничтожить

все на своем пути, – Ты не можешь... – повторил он, выдавливая из себя каждое слово, – Ты не можешь забрать Саманту... -, в телефоне раздалось шипение, а потом пошли гудки, – Ты не можешь... Але... Ты меня слышишь?

Рик посмотрел на мерцающий экран телефона, который немного поморгав, отключился.

– Твою мать, – выругался он и несколько раз ударил его о ладонь, – Что за ерунда?

Неожиданно, освещение в лагере стало моргать. Свет то ярко загорался, то потухал, то снова загораясь, светил тусклым, унылым светом. Из мигающих палаток стали выходить полураздетые морпехи, с недоумением оглядываясь по сторонам. Со всех сторон послышались недовольные голоса и крики.

Рик замер. Убрав телефон в карман, он стал прислушиваться и осматриваться вокруг оценивающим взглядом.

– Сэр, кажется у нас проблемы... – послышался знакомый, но неуверенный голос капрала.

– Какого черта, – крикнул Колинз, – Рядовой, немедленно свяжи меня с авиабазой...

– Похоже специалисты не ошиблись, – тихо сказал себе Рик и мысли о жене и дочери мгновенно испарились, как будто их и не было вовсе, а на лице появилась азартно-злобная улыбка, – Да начнется охота, – сухо добавил он, и быстро взглянув на темное небо, вошел в моргающую палатку со спутниковой антенной.

Его встретил удивлённый взгляд майора. Было видно, что он что-то хотел сказать, но сдерживался.

– В чем дело, майор? – опередил его Рик, заметив мелькающие полосы на мониторах.

– Кажется, мы потеряли глаза в небе, – неуверенно ответил Колинз, – сначала камеры зафиксировали... – он замешкался, – ...несанкционированное вторжение в зону отцепления, а затем связь с беспилотниками пропала.

– Орел пять ответьте, орел пять ... – безостановочно твердил морпех, сидевший возле мобильной радиостанции, – Орел пять вы меня слышите? Орел пять, – затем, переключив несколько тумблеров, он повернулся к Колинзу, и сказал, – Сэр, я не могу связаться с авиабазой.

– А ты постарайся, сынок, – крикнул майор и перевел взгляд на мигающий светильник, – Да что вообще происходит со светом?..

Рядовой послушно отвернулся и снова как робот затараторил: «Орел пять. Орел пять, отзовитесь. Вы меня слышите?»

– Что вы видели? – спросил Рик, обращаясь к растерянному капралу, щелкавшему пальцами по клавиатуре и пытающемуся, в надежде, определить причину неполадок потери связи с беспелотниками.

Тот повернул голову, испугано посмотрел на Рика, а затем неуверенно уставился на Колинза.

– Что вы видели, капрал? – Рик четко и настойчиво повторил свой вопрос еще раз.

– Я точно не знаю... Сэр, – ответил замаявшись капрал, – Это было похоже на...

– «Чероки один», прием... -вдруг раздался слабый голос из шипящего радио, – Это наземная группа «Чарли». Примерно в пяти метрах от земли наблюдаю три светящихся объекта, движущихся в вашу сторону. Скорость...

Голос замолчал. Началось шипение. Затем радио вновь заговорило, – Это «орел пять», прием. Как слышно? Что у вас там происходит?

– Есть связь с авиабазой, – радостно произнес рядовой, а затем вопросительно посмотрев на Колинза, добавил, – Что мне им сказать, сэр?

Рик поймал взгляд майора и твердо произнес, – Нужно поднимать птички.

– Вы уверены? —лицо Колинза излучало нерешительность и сомнение, – Это просто бред какой-то...

– Майор, у нас нет времени. Поднимайте истребители.

Колинз еще несколько секунд растеряно глядел на Рика, а затем его взгляд стал холодным и спокойным.

Он посмотрел на рядового, с секунду помолчал, а затем решительным голосом произнес: «Сынок... Скажи им «Грязное небо».

– «Грязное небо», повторяю «Грязное небо», - дважды сказал в микрофон морпех.

– Подтвердите, - послышался еле слышимый голос из радио, – Вас плохо слышно...

– Подтверждаю, «Грязное небо»...

Вдруг радио замолчало. Шипение прекратилось. В палатке погас свет.

– Черт. Этого еще не хватало, – злобно выругался Колинз, – Капрал, где фонарики?

– Уверяю, майор, они тоже не будут работать – сказал Рик и осторожно направился к выходу из палатки. Выйдя наружу он увидел, что света нигде не было, лагерь погрузился во тьму, а у металлической сетки стояло несколько морпехов и с любопытством смотрели куда-то в даль.

– Смотрите, смотрите, – неожиданно крикнул удивлённый голос, – Вон опять появились. Все быстрее сюда. Пока не улетели.

Услышав это, со всех сторон стали сбегаться морпехи, образовывая возле сетки еще большую толпу. Рик тоже подошел к солдатам, приподнял голову и уставился туда куда указывал удивлённый голос.

Вдалеке, над полями кружились три ярких, светящихся шара. Они то резко поднимались вверх, делая при этом быстрые, круговые движения из стороны в сторону, то так же резко опускались вниз, исчезая во мраке кукурузного поля.

– Это же НЛО, – удивленно сказал один из морпехов, – Никогда не думал, что увижу. Жаль телефоны не работают, а то бы я на камеру снял.

– Ты бы лучше свою голую подругу снял, – засмеялся другой, – Да нам бы показал.

Раздался громкий смех.

– А ну, что тут столпились? – крикнул грозным тоном майор, проходя мимо Рика, – Сержанты, ко мне...

– Смотрите, сэр, – перебил его шутник, показывая пальцем в сторону шаров, – Что-то происходит.

Откуда-то сверху ударил белый луч света. Шары как будто увидели его, замерли, а затем приблизившись к нему, стали медленно кружиться вокруг. Через минуту, сквозь облака, переливаясь разными цветами, опустился шар побольше. Дойдя до уровня трех шариков, он исчез, плавно растворяясь вместе с лучом. Оставшиеся шары остановились и образовали четкий, равнобедренный треугольник. Он несколько минут спокойно повисел в воздухе, а затем медленно полетел в сторону палаточного городка.

– Кажется оно летит сюда, – крикнул шутник и в его голосе прозвучали нотки ужаса.

Но толпа, не обратила на него никакого внимания. Люди молча смотрели вверх, заворожённо наблюдая, как приближается НЛО. Что-то овладело ими. Может страх, может любопытство, может еще что-то, но никто из морпехов не тронулся с места. Они продолжали смотреть, как на них надвигается что-то непонятное, непознанное и таинственное.

Оказавшись над лагерем треугольник завис на месте. Затем, повисев в воздухе несколько минут, три шара начали медленно вращаться вокруг невидимого центра и совершенно бесшумно опускаться вниз.

– Майор, – Рик схватил плечо Колинза, смотревшего вверх, и несколько раз толкнул его, – Майор, очнитесь. Скоро прилетят Ф16. Нужно уйти от объекта на безопасное расстояние.

Тот опустил голову, удивлёнными глазами посмотрел на Рика и вялым голосом пролепетал: «Да... Вы правы... Нужно...»

– Майор, – злобно рявкнул Рик, – Вы меня слышите. Возьмите себя в руки. Нужно срочно уходить.

Колинз будто вышел из спячки. Быстрым взглядом осмотрев толпу солдат, он набрал воздуха в грудь и что есть силы заорал: «Всем необходимо покинуть территорию базы. Держаться от...» – майор запнулся- «...от НЛО как можно дальше. Это приказ. Исполнять немедленно».

Но никто из морпехов даже не шелохнулся. Какая-то непонятная сила держала людей и не давала им сдвинуться с места. Толпа продолжала заворуженно смотреть вверх, не отрывая глаз от НЛО и не обращая внимания на только что прозвучавший приказ Колинза.

– Всем немедленно покинуть территорию базы, – злобно крикнул Рик, повторяя приказание майора.

Несколько очнувшихся морпехов побежали в сторону выхода. Послышался мат и крики.

Было слышно, как кто-то безрезультатно пытался завести «хамер». После этого снова раздался мат.

НЛО остановилось в десяти метрах от земли, шары перестали вращаться, а из его центра ударил яркий луч света. Рик зажмурился и посмотрел вверх. Вдруг, где-то внутри его головы, зазвучал голос: -Папа... Папа... Я не люблю тебя... Папа... Я буду ждать... Затем, перед его глазами появились разноцветные круги с узорами, напоминающие круги на полях, которых Рик так много повидал. Они медленно вертелись и уменьшались в размере, образуя до боли знакомое лицо. И это детское лицо, как живое, смотрело на него, и открывая рот, постоянно повторяло: – Папа... Папа... Я не люблю тебя... Папа... Я буду ждать...

В это время, где-то высоко в черном небе быстро пронёсся реактивный шум двигателей. Луч света тут же погас, а три шара, образующие треугольник, мгновенно потухли. Вслед за этим раздался сильный хлопок, и яркая вспышка ослепила Рика. Он присел и закрыл лицо руками, защищаясь от сильного света. Через мгновение раздался ещё один громкий хлопок и палаточный городок накрыла волна огня.

Глава 1

– А если будет мальчик, как назовем? – с улыбкой спросила Света, приподняв голову от подушки и глядя мужу в глаза. – Может как его отца?

– Сергей Сергеевич Шалыгин, вроде звучит не плохо, – гордо и мечтательно вздохнул Сергей, и повернувшись на спину, закинул руки за голову. «Как же хорошо» – подумал он, – «Вечно бы так валялся на кровати с любимой женщиной. А ведь для счастья так мало надо...». Он нежно посмотрел на Свету, чуть заметно улыбнулся и перевел взгляд с жены на потолок. В памяти Сергея промелькнуло окончание Армавирского военного авиационного училища, и как он, после парада на глазах у всех, встал на одно колено и сделал Свете предложение, и как она засмушалась и покраснела, а затем тихо ответила: «Да! «А ведь для счастья так мало надо!»» – снова промелькнула знакомая мысль.

Утреннее солнце еще не взошло, но рассвет быстро приближался и постепенно освещал комнату, которую они снимали уже несколько месяцев. На потолке дергалась еле заметная тень от шторы, а с приоткрытого окна дул свежий апрельский ветерок. Армавир потихоньку просыпался и люди начинали торопиться по своим делам. С улицы все чаще доносились голоса и рев машин.

«Вот и мне скоро идти, а так не хочется» -прислушиваясь к уличному шуму, думал Сергей – «Еще минут тридцать можно полежать, или сорок...»

– А вдруг будет девочка, – не унималась Света, –Тогда как назовем?

– Ну давай как маму!

– Не-е, мне имя Анжела нравится, я в интернете вычитала, оно от слова «ангел» произошло и пусть наша дочка будет такой же красивой и доброй. Как ангел!

– Ну кто же имя ребенку в интернете ищет? Там всякую ерунду пишут, – улыбнулся Сергей. –А вот и не ерунду. Ну ты что, Шалыгин, это же двадцать первый век, –настаивала Света, – Помнишь Лену с моей работы?

– Ну... Припоминаю...

– Так они с мужем ребенка по гороскопу зачали. Вот это ерунда! А я у тебя продвинутая! Современная!

– Современная ты моя, – улыбка Сергея стала еще больше, – Интернет – это питательная среда для идиотов. Для идиотов и дебилов. И именно благодаря ему их количество с каждым годом все увеличивается и увеличивается. Помню, два года назад весь интернет шумел по поводу каких-то кругов в Америке. Так там такое писали... Чуть ли не конец света обещали. И подобной чуши в интернете полным-полно. А ты еще и имя ребенку там решила выбрать, – он засмеялся и повернувшись к Свете, шутливо добавил, – правильно про вас блондинок говорят...

– Да пошёл ты, – Света сделала обиженный вид, – Сам ты дурак.

Сергей засмеялся еще громче, нежно обнял жену и ласково добавил, – Я же не сказал дура. Я хотел сказать дурочка. Дурашечка.

Он подтянул ее к себе, и Светина голова легла на его грудь.

– Да... Я тоже помню, – тихо сказала она, – Мы еще тогда с тобой не были знакомы. И ты нашел с чем сравнивать. Имя и... – Света приподнялась и посмотрев на Шалыгина спросила, – ...а может там, не все было враньем? А ты вообще веришь в инопланетян?

– Конечно верю, – Сергей сделал хитрый взгляд, – Одна из них прямо сейчас лежит рядом со мной.

Света улыбнулась: «Нет серьезно. Веришь или нет?»

– Да не знаю я, – Сергей задумчиво посмотрел на потолок, – Если представить сколько там звезд, то вполне возможно, что они и есть. Ведь глупо думать, что мы одни в такой огромной вселенной.

– Шалыгин, да ты философ.

– Нет, – Сергей посмотрел на Свету, – меня просто всегда тянуло в небо, – и сделав серьезное лицо, добавил, – Я подумываю со временем подать заявку на зачисление в отряд космонавтов.

– Ничего себе, – удивилась Света, – Значит я буду женой космонавта?

– Ну, наверное, – Сергей улыбнулся, – если пришельцы не захватят землю и не сделают нас своими рабами...

Вдруг с улицы раздался неприятный скрежет, плавно переходящий в непонятный, монотонный гул. Было ощущение как будто где-то играет огромная труба, заполняя своим звуком все пространство. И этот звук проникал везде, и в тоже время возникал из не откуда.

– Слышишь? – Света удивленно вскочила и побежала к окну, – Шалыгин... Это... Это похоже... Это же...

– Что... Это? – спросил Сергей, повернувшись набок и подперев голову рукой.

– Ты что, Шалыгин. Это же гул Земли. Или как его еще там называют? Весь интернет наполнен роликами об этом феномене. Его часто слышат в разных уголках Земли. А причину его появления, так до сих пор и не раскрыли. Существуют только множество теорий.

– Опять интернет, – вздохнул Сергей, затем прислушался и равнодушно добавил, – Да слышал я об этом. Откуда здесь в Армавире это... Скорее всего наши курсанты на сверх звуковой летают, – он подозрительно сузил глаза, – Или испытывают новое сверхсекретное оружие.

– Все шутишь. Да ты послушай. Этот звук не похож ни на что. У меня бабушка была верующая. Так она говорила, что пред концом света ангелы будут трубить. Во многих мировых религиях говорится об этом.

Через несколько минут гул прекратился также резко, как и начался. Армавир снова наполнился обычным городским шумом. Света в ожидании стояла у окна и прислушивалась.

– Ну вот и все. Конец света опять прошел мимо, – Сергей изобразил на лице разочарование, – Ну иди ко мне, – он жадно посмотрел на Свету и похлопал ладонью по кровати, – У нас всего лишь несколько минут, но я обещаю тебе устроить апокалипсис.

– Всё-таки дурак ты, Шалыгин, – Света подошла к кровати и легла, – Я с тобой серьезно, – она посмотрела Сергею в глаза и решительно сказала, – Можешь смеяться, но я думаю, что это знак. Давай, если родится девочка, назовем ее Анжела.

– Ну ладно, пусть будет Анжела. Хоть у меня уже есть один ангел, пусть будет и ангелок, – и Шалыгин, нежно погладив Светлану по животу, пристально посмотрел ей в лицо. Ее зеленоватые, большие глаза, ее светлые длинные волосы, ее слегка приподнятый носик, так и тянули к себе. Хотелось бесконечно вдыхать ее аромат и целовать, целовать...

– лейтенант Шалыгин, подъем! –скомандовала Света и ее взгляд смотрел не на Сергея, а сквозь него.

– Подожди. Ещё рано ... – слегка удивившись ответил Сергей.

– Сережа вставай, ну же, любимый, хватит спать, – не обращая внимания на Шалыгина, твердила Света, уставившись в какую-то точку позади него.

– Свет, что с тобой, очнись... – испуганно сказал Шалыгин.

– лейтенант Шалыгин, подъем! Сережа вставай, ну же, любимый, хватит спать, – как робот повторяла Света.

И только сейчас Сергей стал осознавать, что все вокруг было наполнено каким-то не естественным розоватым светом. Комнату наполнял еле заметный туман, который постепенно стал растворяться. И вместе с ним начинали исчезать и сама комната, и Света, и звуки, доносившиеся с улицы. И чем больше растворялся туман, тем сильнее становилась какая-то, казалось бы,

давно позабытая боль. Грудь сильно защемило от тоски, а наружу рвались слова, вперемешку наполненные печалью и любовью.

– Я так много должен тебе сказать... – вставил Сергей, между приказами Светы.

– ...Хватит спать, – закончила Света, постепенно растворяясь вместе с комнатой.

– Подожди!.. – крикнул Шалыгин полупрозрачному силуэту жены, – Я так сильно люблю тебя! Я так мало тебе об этом говорил...

Комната со Светланой исчезла и только ее голос продолжал нежно командовать, – Лейтенант Шалыгин, подъем!...

Сергей открыл глаза. Тоска, навеянная сном, постепенно проходила, а вместе с ней, где-то в глубинах памяти, таяли зеленоватые глаза и светлые волосы. «Я все еще люблю тебя», – подумал Сергей, и прислушавшись к будильнику, командовавшему голосом Светы, четко произнес: – Подполковник ВКС России, Шалыгин, проснулся!

– Команда принята. Включаю предустановленные настройки, – уже электронным голосом ответил будильник и заговорил женским голосом диктора, – ... и снова погода сегодня ожидается жаркая. Без осадков. Солнце опять будет припекать нас до самого вечера. По прогнозам, днем, температура воздуха в тени, поднимется до 42 градусов выше нуля. Так что, будьте внимательны и берегите себя. Правила и рекомендации о том, как защититься от полуденного зноя вы узнаете чуть позже с Олегом Исаевым. Так же вы услышите мнения специалистов и ученых о погодных аномалиях, происходящих в последние годы. И действительно, то около трех недель может держаться сильная жара, то на смену ей приходят проливные дожди, в результате которых, происходят наводнения и потопа. Возможно, истории о глобальном потеплении, и о смещении полюсов имеют под собой реальную основу. Но не будем о грустном, – раздался смех, – я вот, во все это не верю, а с такой жарой, лично мне помогает справиться кондиционер, мороженное и прохладная вода Московского центрального аквапарка, а для тех, кто только что к на присоединился повторяю, что вы слушаете радио Москвы. Сегодня вторник 16 июля 2035 года. Часы в студии показывают шесть часов тридцать две минуты. С вами, до девяти ноль-ноль, Анжела Шалыгина...

– Ну здравствуй ангел, – тихо сказал Сергей вставая с кровати. Он пробежался взглядом по своей квартире, а затем посмотрел на полукруглое окно, по пластиковым стеклам которого стекали капли воды, образуя полупрозрачные, кривые ручейки.

– Что у вас там в студии окон нет? – с улыбкой добавил он, – Погода видите ли у нее жаркая, без осадков. Ты бы хоть на улицу выглянула. Вообще-то в Москве идет дождь.

...Простите, – извинилась Анжела, как будто услышав упрек отца, – мне только что передали, что утром в городе будут небольшие осадки, но к полудню погода наладится и день будет хоть и жаркий, но все равно замечательный... А замечательный он будет еще и потому, что наконец-то исполнилась мечта всего человечества. Сегодня ночью «колония Марс-1» вышла на низкую, опорную орбиту Марса, а завтра утром, примерно в четыре часа по московскому времени, нога человека впервые ступит на его поверхность. И поэтому сегодня весь день мы будем крутить репортажи Екатерины Сазоновой, которая постоянно отправляла с борта корабля, записи о жизни колонистов. Как вам известно, она вошла в состав астронавтов, выбранных для покорения красной планеты. А начнем мы с ее первого интервью, записанного перед вылетом на мысе Канаверал, – Анжела замолчала, а затем заговорил другой женский голос, – Привет. Меня зовут...

– Громкость ноль три, – скомандовал Сергей, подходя к окну.

– Команда принята, – ответил будильник, и голос девушки стал тише.

Шалыгин посмотрел на мокрые, стеклянные небоскребы, и где-то в глубинах памяти промелькнуло лицо Светы, а сердце на мгновение замерло.

– Я все еще люблю тебя, – тихо сказал он взглянув на серое, тусклое небо, и переведя взгляд на голографию Светланы, висевшую в воздухе над письменным столом, повторил, – Я все еще люблю тебя... Я так мало тебе об этом говорил.

Дернув за овальную ручку, Сергей открыл окно. В комнату сразу же ворвался свежий ветерок с привкусом дождя, а звук падающих капель, слегка приглушил говорящее радио. Приняв упор лежа, Шалыгин начал отжиматься, – Раз, два, три...

– ... в сентябре произойдет великое противостояние Марса и Земли, – чуть слышно, продолжал бубнить женский голос из радио, – Планеты сблизятся на максимально близкое расстояние, что бывает каждые 15—17 лет и благодаря этому, длительность путешествия значительно сократится. Последнее подобное явление наблюдалось аж в 2018 году. Марс тогда подошел к Земле на 57 миллионов километров. Нечто подобное произойдет и в этом году. Но мы тогда, в восемнадцатом, еще не были готовы к экспедиции на красную планету...

– А сейчас готовы? – вставил вопрос мужской голос.

– Я думаю... Вернее, я уверена, что да, – ответил женский, – вы представляете себе сколько лет человечеству пришлось ждать и усердно трудиться для того, чтобы «колония Марс-1» смогла благополучно выполнить то, о чем можно было прочитать только в фантастических романах и увидеть в кино.

– Я с вами совершенно согласен. И думаю радиослушатели тоже, – произнес мужчина, – А вы знаете, мне тоже нравится фантастика и на ум сразу пришли «Война миров» Герберта Уэллса, и «Принцесса Марса» Эдгара Берроуза. Замечательные книги и, по-моему, их даже экранизировали.

– Да. Есть несколько фильмов по этим книгам, – сказал голос Кати, – И книги действительно шикарные, – затем она сделала паузу, – А знаете, я и не думала, что в наше время еще кто-то читает книги. Мне казалось, что эти люди вымерли. Как динозавры. И кстати у меня есть теория, так просто пришла на ум однажды: когда человечество перестанет читать, оно перестанет существовать. А проще говоря-его ждет судьба динозавров.

– Хорошая теория. Над этим надо подумать, – журналист засмеялся, а затем спросил, – Скажите Катя, справа от нас находится огромная ракета. Она такая большая. У меня нет слов. Я просто потрясен. Расскажите о ней и как вообще состоится полет и посадка на Марс?

– Перед вами ракета-носитель «Икар», – ответила Катя, – Его модель сделана на основе ракета-носителя «Сатурн-5», который участвовал в лунной программе «Аполлон». Его импульсивный, детонационный двигатель, работающий на атомарном, обогащённом водороде, без проблем поможет нам преодолеть гравитационное влияние солнца и доставит нас на красную планету примерно за три месяца.

– Катерина, а почему вы отправляетесь так рано? По моим данным, «Икар» смог бы домчать вас до Марса гораздо раньше, чем вы сказали до этого. Почему время для запуска назначено на 8 апреля, ведь до сентября еще так далеко?

– Потому что, – ответила Катя, – В августе, когда Марс приблизится к Земле на 70 миллионов километров, с мыса Канаверал будет отправлена последняя «посылка». И эта «посылка» очень ценная. Можно сказать, что в ней заключается основа выживания колонистов, и от нее зависит дальнейшее будущее всего нашего проекта. А значит, к ее прибытию мы уже должны быть на Марсе. Обязаны подготовить жилую зону к нормальному функционированию. И удостоверится что содержимому посылки ничего не угрожает. Одним словом, мы должны ее достойно встретить. Или как говорить... – Катя засмеялась, – ...встретить с цветами и шампанским.

– А под словом «посылка», вы имеете в виду снаряжение, которое вот уже, как несколько лет отправлялось на Марс? – спросил Катю мужской голос.

– Именно. – подтвердил женский, – Туда входили вода, еда, строительные материалы, а также два робота оснащённые более современной и улучшенной версией искусственно-интел-

лектуальной программы. Мы ее зовем ИИП, или ласково- «Ипа». В общем, всем необходимым мы уже обеспечены...

– А скажите, чем вы займетесь первое время?

– Ну сначала нужно долететь и высадится, – Катя засмеялась, – А если серьезно, то первым делом необходимо найти питьевую воду. Ведь вода – это не только источник жизни, но и энергии. Затем мы займемся обустройством жилой зоны. К тому времени как мы прилетим, роботы кое что уже за нас сделают. А именно, очистят территорию зоны от ненужного хлама, отсортируют «посылки» и окружают лагерь специальными «зонтами», работающими от солнечных батарей. Эти устройства сформируют защитный, электромагнитный купол. Ну помните... – Катя задумалась, – ...как в одном старом, классическом фильме «Звездные войны»?

– Да, да. Кажется, я вас понял. Надеюсь и радиослушатели тоже. И им не придется пересматривать все 48 эпизодов этой киноэпопеи, – ответил мужчина.

– Я тоже думаю, что все меня поняли. Ведь классика бессмертна и мне кажется, что на Земле нет ни одного человека, который не видел бы хотя бы одну из частей, – ответил женский голос, а затем немного помолчав продолжил, – Так вот, этот купол не такой крутой как в фильме и его с легкостью можно проткнуть и пальцем, но зато он защищает от солнечной радиации и немного задерживает частицы марсианской пыли. В общем кое какая защита на первое время у нас будет, – Катя снова сделала паузу, – Также к нашему прилету, дроны должны поставить каркасы теплиц. За этим всем следят спутниковые телескопы и ребята из НАСА. Поэтому нам останется только приземлится, загнать ЖДК во внутрь купола и потихоньку начать обживать.

– Простите. А что такое ЖДК? – спросил мужской голос.

– Это жилой движущийся комплекс. Первое время он будет нам домом, – Катя снова засмеялась, – Тесновато конечно. Но в тесноте, да не в обиде. Со временем мы построим постоянные жилые комплексы, но об этом говорить пока еще рано. Ракетноситель «Икар» выведет ЖДК на опорную орбиту Марса, отстыкуется и сделав небольшой виток вокруг планеты, полетит дальше к солнцу. А мы, внутри комплекса, будем кружить на орбите и готовиться к высадке, пока «не погаснет» инерционная скорость. Потом, примерно через сутки, Ипа совершит посадку, а нам останется только ждать и надеяться, что приземление на Марс будет мягким. Простите, наверное, правильное будет сказать: примарсение. А может примарсирование, – раздался смех, – Что-то я запуталась. Ладно. Надо об этом как-нибудь потом подумать, на досуге.

– А скажите. Вы действительно первый пилот? Или это просто слухи?

– Да! Это правда! Я и американец Ник Андерсон, действительно назначены пилотами. Но только я главный и на мне лежит больше ответственности.

– И не страшно вам? Ведь при приземлении что-то может пойти не так.

– Конечно страшно. Но до подачи заявки в «колонию Марс-1» у меня уже были права пилота легкой, гражданской авиации, а с 19 лет, я всю работала в авиатакси. Так что я научилась смотреть страху в глаза. И тем более меня готовили более пяти лет, – из будильника раздался шёпот, – не хочу показаться не скромной, но я была лучшей на курсах пилотов НАСА...

– Поздравляю, – прошептал в ответ мужской голос, а затем засмеялся.

– ...Спасибо. – ответила Катя, – А так, среди нас собрались ребята разных профессий. Есть и программист, и инженер, и геолог. Вот, например, Томоко Ишикава-медик, и она же биолог. Кстати ей и предназначена последняя «посылка» с семенами, саженцами растений и земными бактериями.

– Скажите, Катя, сколько вас всего будет на борту ЖДК?

– Вместе со мной, нас будет 6 человек и все мы из разных стран мира. Американец, китаец, француз, немка, японка и я, ваш нескромный слуга, – раздался смех, а затем опять

шёпот, – открою вам небольшую тайну. Нас как бы заранее поделили: мальчик-девочка, мальчик-девочка. В общем каждой твари по паре.

– Еще вопрос, а скажите...

Неожиданно, на письменном столе завибрировал смартфон и начал тараторить электронным голосом: «Звонок от абонента: Ступин Станислав Павлович. Звонок от абонента...

– Ответить и перевести на громкую связь, – поднимаясь с пола, сказал Сергей, а затем еле слышно добавил, – Сорок раз для сорокалетнего-совсем не плохо. Есть еще порох в пороховницах.

– Здорова Серега, – раздался голос из сотового, – Давненько мы с тобой не виделись.

– Это точно, Палыч, – ответил Шалыгин, вращая руками, – с тех пор как ты стал заместителем начальника Западного Военного Округа, я все реже и реже вижу твою старую, противную рожу.

Из смартфона послышался смех: «А ты сам то плесенью не покрылся?»

– Да нет, не покрылся, – улыбнулся Сергей, – Вот зарядку делаю. Хочу помолодеть на старости лет.

– Да уж, – вздохнул голос, – года бегут и не успеваешь опомниться. А ведь когда-то мы были товарищами, а теперь вот-господа офицеры...

– Помню, помню те времена. Ты бы ко мне с бутылочкой коньяка зашёл, да мы бы с тобой и вспомнили молодость.

– Нет Серега. На этот раз должен прийти ты... – Ступин сделал паузу, – ... в генеральный штаб РФ.

– О, как, – удивился Шалыгин, – что-то серьезное?

– Ты же знаешь, что бывает за разглашение секретной информации по незащищённой линии, – ответил шутливо голос, – Но поверь мне, тебе понравится, то что ты услышишь.

– Ты, о чем?

– Ну что ты как банный лист привязался. Че, да как? – отмазывался Станислав Павлович, – Могу сказать одно. Нужны твои навыки опытного летчика-испытателя. Надоело, наверное, уже курсантов гонять?

– Передача опыта – молодым-это святое дело, – вставил Сергей, – Сам был когда-то орленком. А теперь вот, орел!

– Ладно... Пернатый. – сказал Ступин со смехом, – Встретимся завтра в девять ноль-ноль. Кабинет номер 52.

– Стас, ты же знаешь, я всегда готов выполнить задание Родины. И даже отдать свою...

– Только не надо ничего отдавать, – голос Станислава Павловича немного погрубел, – Ты у меня еще с прошлого раза в почках сидишь. И не только в почках. Во сне тебя вижу, придурка...

Сергей засмеялся.

– ...И ты давай накаркай мне еще. Ворона, – продолжал Ступин, – Чтоб я больше этого не слышал. Понял?

– Да, понял я. Понял, – ответил Сергей, – Сколько можно?

– Столько, сколько нужно, – приказным тоном ответил Станислав Павлович, а затем, после недолгой паузы, смягчившись добавил, – В общем, есть для тебя, Серега, заданище. И ты единственный кто способен с этим заданием справиться. Да. Кстати. После его выполнения с тебя бутылочка коньяка. Да хорошего.

– За что это? – удивлено спросил Шалыгин.

– Сам потом поймешь.

– Ну как скажете, товарищ генерал-майор. Прошу прощения. Господин генерал-майор, – шутливо поправил ошибку Сергей, – Бутылочка, так бутылочка.

– Вот и ладненько, значит разобрались, – мягким голосом произнес Ступин, – Кстати, ты про Марс слышал?

– Прямо сейчас слушаю, – ответил Шалыгин.

– Не знаю... – потянул Станислав Павлович, – ...я бы никогда не согласился покинуть Землю навсегда. Тем более... В молодом возрасте. Сколько им там?

– Около двадцати пяти лет, – вставил Сергей.

– Вот. Вот. – подтвердил голос, – Еще вся жизнь впереди, а они... Ну можно там, чуть-чуть, вокруг Земли покружиться. Полетал и хватит. Пора и домой возвращаться. А эти вон что удумали... Знаешь. Я считаю, что во всем виновато воспитание, – голос Ступина слегка накалился, – Причина всех бед человечества, это неправильное воспитание будущего поколения. Вот мои, например, два сына: первый-закончил Суворовское и давно служит; и второй, вот-вот закончит, и тоже хочет идти по стопам отца. Вот это воспитание! А эти? ... Космонавты, твою мать. И куда только смотрели их родители?

– Пальч, – прервал его Сергей, – Ты все равно не поймешь. Вот, например, если бы моя Анжелка попросилась на Марс, то я бы ее отпустил. Человек должен сам выбирать свой путь. И если бы... – Шалыгин вздохнул, и из его груди вырвалась искорка сожаления, – ...И если бы со мной не случилось, то что случилось, и если бы я был бы по моложе лет так на пятнадцать, то сам бы туда полетел. Даже не задумываясь.

– Дурак ты, – после недолгой паузы, резко отрезал Ступин, – Я с тобой об одном, а ты совсем про другое. Мы с тобой такие разные, Серега. И я вот все понять не могу, как мы с тобой столько лет дружим? Просто в голове не укладывается... – незнакомый голос, на заднем плане, отвлек Станислава Павловича, и тот шёпотом о чем-то переговорив с ним, снова обратился к Шалыгину, – Ну все, Серега. Некогда мне. Увидимся завтра. И...И передавай привет ребенку.

– Ладно передам, – сказал Сергей, и снова приняв упор лежа, начал отжиматься, – Раз, два, три...

Глава 2

– Здравствуйте! С вами снова я, Екатерина Созонова... – кареглазая брюнетка повернула на себя объектив видеокамеры и помахала рукой, – ...я веду свой заключительный репортаж о долгом путешествии к Марсу. Сейчас мы находимся на его орбите и через несколько минут совершим посадку. Ну наконец-то... – Катя ностальгически улыбнулась, – ...исполнится мечта моего детства. Я всю жизнь хотела полететь в космос и неважно на какую планету, лишь бы быть ближе к звездам. Меня всегда манили бескрайние просторы вселенной, ее загадки и тайны. Помню, как подростком я смотрела фантастические фильмы и читала романы, а потом грезила о полетах на космических кораблях. И вот... – Катины глаза слегка наполнились влагой, – ... моя мечта сбылась. После всех препятствий что мне пришлось пройти, я могу вам сказать только одно: нет такого понятия, как «не смог», а есть только одно понятие – «не захотел». В жизни нет ничего невозможного, нужно только стремиться и действовать. И еще я хочу вам сказать: не бойтесь мечтать и идти к своей мечте несмотря ни на что. Человек, который боится мечтать-убивает себя, а человек у которого нет мечты-уже мертв... Красиво сказано. Не правда ли? – она едва улыбнулась, – Нет. Эти слова принадлежат не мне. Это высказывание я прочитала в одной книге несколько лет назад. Кстати и вам советую с ней ознакомиться. Много чего полезного для себя подчерпнете. Написал ее один Российский уфолог. Академик...

– Ну ты нашла время для съемок, – раздался женский голос за спиной Кати, – Скоро высадка. Вы перепроверили систему?

Катя быстро провела рукавом по глазам, повернулась, и направила камеру на девушку с красивым волевым лицом. Та безмятежно висела в воздухе, ухватившись рукой за невысокий, узкий проем, и строго смотрела на Катю.

– Мы с Ником готовы, – уверенно ответила Катя, – ручное, аварийное управление в норме. Ошибочные алгоритмы в посадочной программе Ипы не обнаружены. Лао, несколько раз перепроверил систему и подтвердил готовность. Так что, ждем остальных.

Девушка довольно улыбнулась, мотнула головой и исчезла в полукруглом проеме.

– Надя подожди, – крикнула Катя, – не хочешь что-нибудь сказать напоследок.

– Некогда, Кэт, – послышался голос из далека.

– Ну как хочешь, – Катя повернула камеру на себя и уважительно сказала, – Беспокойся. Мечется туда-сюда. Переживает. Не знаю, как бы я вела себя на ее месте. Помню еще на подготовительных курсах, психологи выявили у нее ярко выраженные аналитические способности и лидерские качества. И поэтому, немка Надя Грюбер, стала нашим командиром экипажа. А сейчас... – Катя рукой оттолкнулась от боковой панели и подплыла к двум круглым иллюминаторам, – ...сейчас я покажу вам Марс. Вы только взгляните какая красота! Я сейчас нахожусь в носовом отсеке и поэтому отсюда самый лучший вид. Вот он Бог войны! – она еще ближе протянула руку с камерой к толстым стеклам, – посмотрите, как он медленно вращается и светится красно-розовым цветом. Это действительно красная планета и как прекрасен вид сверху... – Катя застыла уставившись на Марс, – ...Отсюда хорошо видно, что практически вся его поверхность покрыта метеоритными кратерами разных форм и размеров. И как вам известно, в одном из них мы и намерены создать первую колонию. В «Равнине Утопия» для этого есть все необходимые условия. Анализ образцов грунта, присланный в 2026 году марсоходом «Арес-4» показал, что на глубине более трех метров, находится толстый слой замершего, углекислого газа и водяного льда. А в некоторых местах, Арес случайно обнаружил пустоты. Ученые предположили, что возможно там, подо льдом, находится H₂O в жидком виде. Также, гладкая равнина кратера, слегка усыпанная небольшими камнями, облегчила дронам постройку сооружений и поспособствует нам, совершить более безопасную посадку. Кстати... – Катя снова повернула

объектив на себя...а вы знаете кому выпала честь первым ступить на поверхность Марса? Это Этьен. Мы с ребятами тянули жребий, и он оказался счастливым, доставшим заветную бумажку. Сейчас я попробую взять у него интервью. – Катя схватилась за выступ, перевернулась и проплыла между шести, полулежащих кресел, – Как прикольно летать в невесомости. Помню в детстве, я много раз смотрела съемки, где космонавты парят в космосе, но я и не думала, что это так классно, – Она нырнула в проем, за которым находился не большой коридор, – После посадки на Марс, появится гравитация и можно будет ходить нормально. А пока я буду этим наслаждаться. Вау! – она кувыркнулась в позе эмбриона, и направив камеру в полукруглую комнату, выглянула из-за угла, – Надя и Лао... Корректируют траекторию входа в атмосферу... Тихо... Не будем им мешать, – пытаюсь не нашуметь, Катя осторожно оттолкнулась от стенки и подплыла к кубрику напротив, – А вот и Томоко с Ником, – еле слышно сказала она, наведя объектив на симпатичную азиатку и светловолосого парня, которые, всеми усилиями, пытались запихнуть в предохранительный отсек, громоздкий, квадратный предмет, напоминающий тумбочку на колесиках, – Вы сейчас наблюдаете за подготовкой медпункта к высадке, – быстро забубнила Катя, – Упаковыванием медицинских инструментов, изолированием самодвижущихся объектов, и пристегиванием аппаратуры страховочными ремнями. Все это делается для того, чтобы ни дай Бог, ничего не испортить и не сломать при посадке. Ну что? – Катя повернула камеру на себя, – Полетели дальше?

Она снова оттолкнулась от стенки и миновав еще несколько отсеков, оказалась возле толстой двери, находившейся в конце коридора.

– А сейчас мы увидим нашего счастливого, – Катя нажала на звонок.

В небольшом, круглом иллюминаторе появилось лицо, затем на панели с боку, загорелся зеленый цвет и люк открылся.

– Всем привет, – сказал круглолицый парень, увидев камеру в руках Кати. Он помахал рукой и улыбнулся.

– Этьен, что ты чувствуешь зная о том, что войдешь в историю, как первый человек ступивший на поверхность Марса?

– Ну... – парень задумался, –...я считаю, что мне просто повезло. На моем месте мог оказаться каждый. И вообще, я хочу поблагодарить всех, кто участвовал в проекте «колония Марс-1», всех тех, кто надеялся и верил в то, что мы добьемся успеха. А также, я хочу еще раз передать привет своей маме. Мам, привет! ... – Этьен снова помахал рукой, – ... и своему родному городу Дижон, и всем тем, кто меня знает...

– Так. Завязываем, – послышался женский голос за спиной Кати, – до стартовой точки входа в атмосферу осталось 20 минут. Скафандры проверил?

– Да, командир, – ответил Этьен, – герметичность, состояние элементов и оборудования в норме. Аккумуляторы и кислородные баллоны заправлены.

– Ну все, ребята, – сдерживая волнение сказала Надя, – Значит пора! Одеваем термобелье, скафандры и занимаем места согласно инструкции.

– Есть, командир, – ответила Катя и повернула объектив на себя, – Вот и все. Через несколько минут мы совершим посадку на Марс, – она глубоко вздохнула и резко выдохнула, – Я так волнуюсь. У меня сейчас сердце из груди выскочит. Ну ладно... Ждите моего следующего репортажа с поверхности. Всех целую... Пока. Пока.

Она перевернулась в воздухе, и схватившись за угол, вплыла в отсек, находившийся справа. Затем открыв видеокамеру, слегка трясущимися руками вынула тоненькую, черную флеш-карточку.

– Господи... – тихо сказала она, переведя речь с английского на русский, и посмотрела куда-то вверх, –...Господи... Помогите нам не разбиться.

Потом, она вставила флешку в гнездо компьютера, и прислонила палец к появившемуся голографическому монитору, на экране которого мигала красная кнопка с надписью «отправить».

Электронное табло, над головой Ника, быстро отсчитывало последние секунды. Через стекло скафандра, он спокойно посмотрел на Катю, положив свою ладонь, на ее руку.

– Не бойся, – с улыбкой сказал он, – НАСА знает свое дело. Все будет хорошо.

– А я и не боюсь, – Катя улыбнулась в ответ и крепко сжала его ладонь, насколько это позволяла толстая перчатка скафандра, – Герметичность отсека?

– В норме, – ответил Ник, взглянув на зеленую лампочку слева от себя.

– Ну тогда... Тогда вроде все готово, – с волнением сказала Катя и оглянувшись, посмотрела на членов экипажа, лежавших в креслах, в позе эмбриона лицом друг к другу, – Все пристегнули ремни?

– Все, – послышался ответ в наушниках, а затем шутливый голос Томоко спросил, – Кэт, ты думаешь ремни нас спасут, если... Если что-то пойдет не так? Мы же, в конце концов, не в автомобиле едем.

В наушниках раздался легкий хохот, который прервал строгий голос Нади: «Очень смешно».

– Прости. Я просто хотела разрядить обстановку, – оправдывалась Томоко.

– Ты бы лучше какой ни будь японский анекдот рассказала, – вмешался Лао, – хотите я вам расскажу, как...

– Всем приготовиться, – внезапно прервала его Катя, – до старта осталось... – она взглянула на Ника, и сжав его руку еще сильнее, посмотрела на циферблат, -... 4 секунды, 3 секунды, две, одна... Поехали!

– Стартовая позиция достигнута, – произнес электронный, женский голос ИИП, – Внимание. Начинаю вход в толстые слои атмосферы.

Раздался шипящий звук и нос ЖДК медленно приподнялся. Поверхность Марса постепенно исчезла из двух круглых, носовых иллюминаторов, а вместо нее появилась, черная пустота космоса. Катя закрыла глаза. Корабль резко дернулся, а затем его начало трясти.

– Ой, мамочки, – прошептал испуганный голос Томоко. Затем, она еще что-то начала говорить по-японски, но сильный гул с наружи, заглушил ее речь.

Тряска усиливалась. Огненная пелена заволочла стекла иллюминаторов. Послышался странный хрустящий звук, вперемешку со свистом.

– Что-то мне это не нравится, – крикнул Этьен, – Мы развалимся. Корабль не выдержит.

– Выдержит, – сказала Надя, тяжело дыша, – Это горит и отлетает огнеупорная обшивка. Всем сохранять спокойствие. Следите за своим дыханием. Вспомните, как нас учили: носом-глубокий вдох, ртом-выдох.

– Ты уверена, что все в порядке? – крикнул Лао, – по-моему так быть не должно...

– Все в порядке! – перебил его Ник, – на индикаторах все в норме. Еще чуть-чуть, и мы войдем в атмосферу.

– Ковбой. А я думал ты спишь, – крикнул Лао.

– Да я бы уснул, – ответил Ник, – но кто-то же должен посадить ваши задницы.

В наушниках снова раздался смех.

ЖДК продолжало трясти. Казалось, что страшный свистящий скрежет наполняет собою все пространство и становится все громче и громче. Все молчали прислушиваясь к нему. Его только немного перебивало частое, тяжелое дыхание в наушниках.

Неожиданно хруст и свист прекратились. Нос ЖДК медленно опустился вниз.

Катя сделала глубокий вздох и открыла глаза. Перед ее взором, в иллюминаторах, развернулся полукруглый, красно-розовый горизонт Марса. Огненная пелена, медленно таявшая, еще пару раз сверкнула и через несколько секунд полностью исчезла.

Катя посмотрела на Ника. Тот молча следил за индикаторами на панели управления крепко сжимая ее руку. Он будто почувствовал на себе ее взгляд и слегка повернув к ней голову, улыбнувшись сказал: – Все идет как по маслу. Еще немного и...

Снизу раздалось несколько, почти одновременных хлопков.

– Отстрел нижнего обтекателя успешно выполнен, – сказала Ипа женским голосом, – Включаю маневровые двигатели...

Сзади послышался мощный и громкий рев. ЖДК резко толкнуло вперед.

– ...Произведен захват точки приземления, – продолжал электронный голос, – начинаю набор скорости и маневрирование.

Катя с тревогой смотрела на панель с мигающими и горящими лампочками. Повернув голову влево, она взглянула на надпись «ручное управление» и на небольшой переключатель, ниже надписи. Ее сердце сильно стучало. В висках тревожно пульсировала кровь. Катя осторожно приподняла левую руку и аккуратно погладила переключатель большим пальцем, затем плавно пошатала ручку джойстика управления, находящуюся под ним.

– Кэт, не волнуйся, – заметив это, крикнул ей Ник, сквозь рокот двигателей, – Расслабься. Ипа справится.

– Да я так, – оправдалась Катя, пытаясь сделать голос как можно мягче, – На всякий случай.

– Не волнуйся, – повторил Ник и перевел взгляд на индикаторы, – У нее получится. Должно получиться.

ЖДК продолжал стремительно снижаться, оставляя за собой шлейф огня и дыма, как случайный метеорит, захваченный в плен гравитацией планеты. Сильный рев его двигателей нарушал вековую, безмолвную красоту Марса и разносился на многие сотни и тысячи километров. С каким-то неопишуемым восторгом Катя смотрела в иллюминаторы и наблюдала как приближалась красноватая поверхность. Вот то, о чем она так долго мечтала. Вот то, к чему она столько стремилась. Победа была так близка. Очень близка. Осталось совсем чуть-чуть. Осталось совсем немного. Только бы все получилось. Только бы все прошло по плану.

«У нас получится. У нас все получится», – вертелись мысли в Катиной в голове, – «Все будет хорошо. Ипа справится. Она не может не справиться».

После длительного молчания, Ник посмотрел на высотомер, покосился на Катю, а затем громким голосом сказал, – Высота 10 тысяч метров.

Сзади раздался сильный хлопок и тут же резко наступила, как всем показалось, гробовая тишина.

– Отстрел задней ступени успешно выполнен, – произнес женским голосом ИИП, – начинаю мягкое планирование к точке приземления.

От резкой перемены, в ушах немного звенело и только нервное дыхание всех членов экипажа, пробивалось сквозь этот звон. Все молчали и каждый думал о чем-то своем, пытаясь хоть как-то уgomонить свой страх, а уж тем более не показать его другим. Все ждали. Ждали...

– Высота 8 тысяч метров... 7 тысяч метров... – начал отсчет Ник, делая длинные паузы, – ... 6 тысяч метров ... 5 тысяч ... 4 тысячи...

Катя смотрела на датчики, изредка, поглядывая в иллюминаторы, за стеклами которых, быстро приближаясь, мелькал красный пейзаж Марса. Внизу, с огромной скоростью, пронеслись горы, равнины, кратеры, овраги, а затем, с той же огромной скоростью, исчезали под полукруглой стенкой носа ЖДК.

– Скорость? – спросила Катя, посмотрев на Ника, и освободив свою руку от его захвата, аккуратно подергала ручку правого джойстика.

– 45 метров в секунду, – ответил тот, посмотрев на индикатор слева от себя, – Высота 2 тысячи метров.

Через несколько минут, с одного и другого бока ЖДК раздались два одновременных щелчка, а затем послышался неприятный скрежет, который через секунду стих.

– Сброс маневровых крыльев успешно выполнен, – равнодушно произнес электронный голос, – Выпускаю тормозной парашют.

Сверху раздался сильный хлопок и ЖДК резко дернулся.

В наушниках взвизгнул женский голос, потом еле слышно что-то забормотал по-японски.

– Господи помоги..., – тихо сказала Катя по-русски и вцепилась обеими руками в ручки полулежащего кресла, – Прошу тебя... Помоги...

– 800 метров, 600 метров, – продолжал считать Ник, следя за высотомером.

– Скорость? – спросила Катя.

– Падает, – ответил тот, посмотрев на индикатор скорости, затем вновь уставился на датчик высоты, – 400 метров, 300 метров, 250 метров, 200 метров, 150, 100... – а затем стиснув зубы, крикнул, – Ну давай же. Давай... Ну...

Сверху что-то клацнуло, и в это же время, снизу раздался громкий, мощный рокот. ЖДК вновь резко трянуло.

– Тормозной парашют отцеплен, – все также равнодушно сказала Ипа, – произведен запуск реверсивных двигателей. Вывожу противоударные пружины.

Снизу зазвучал жужжащий звук.

– 50 метров, 40 метров... – голос Ника, как тикающий маятник, отсчитывал остатки расстояния до планеты, – 30 метров... 20...10...Всем приготовится к удару!

Катя задержала дыхание и сильно зажмурилась.

Удар был неслабый. Снизу раздался треск и скрежет, а затем наступила тишина, прерываемая, плавно угасающим рокотом двигателей. Время как будто застыло. Все, как будто, замерло, в ожидании непонятно чего. И вот наконец, через несколько минут, эту, казалось бы долгую тишину, перебиваемую частым и тяжелым дыханием в наушниках, нарушил испуганный, и в тоже время радостный голос Этьена, – Да. Да. Да. Твою же мать. Мы еще живы. Я люблю НАСА. Люблю. Люблю. Люблю, – и он хотел крикнуть еще что-то, но его перебил командный голос Нади, – Хватит вопить. Мы поняли, что ты жив, – затем сделав паузу, она обратилась к остальным членам экипажа, – Все целы? У всех все в порядке?

– В порядке! – тяжело дыша, отзывались мужские и женские голоса, – Все в порядке! Все в норме!

– Кэт, ты как? – услышала Катя в наушниках голос Ника и почувствовала, как его рука осторожно дотронулась до ее плеча, – Кэт не молчи. Ты в порядке?

– Да. Все хорошо, – ответила она открыв глаза и посмотрев на Ника, – Я просто... Я просто задумалась. Все хорошо.

– Никому не вставать. Всем сидеть на месте, – спокойно сказала Надя, – ждем отчета ИИП.

Катя обвела взглядом приборную панель, и посмотрев на зеленые огоньки, довольно улыбнулась.

– Думаю с ЖДК все в порядке, – немного уверено сказала она, слегка покосившись на Ника, – Судя по индикаторам – все в норме.

– Ждем ИИП, – с твердостью в голосе повторила Надя, – Действуем по инструкции.

Катя послушно замолчала, и еще раз взглянув на панель, стала смотреть в иллюминаторы, пытаясь хоть что ни будь увидеть сквозь красно-ржавую пелену пыли, поднятой реверсивными двигателями. Эта пыль заволокла все, абсолютно все. Не было видно ничего, кроме полукруглого, выпуклого носа ЖДК. Казалось, что красно-розовый, непроглядный туман окутал собой

всю планету, и этот туман не был похож на тот земной, который со временем постепенно исчезает, высвобождая то, что он поглотил. У Кати возникло чувство, что этот красно-розовый, ржавый туман не растворится никогда и что она не увидит ни марсианского неба, ни марсианского солнца, ни красивых марсианских пейзажей, о которых она так мечтала. Подумав о небе и о солнце, она неожиданно вспомнила Землю. Вдруг, картины прошлого побежали перед ее глазами: детство, юность, начало взрослой жизни, все плохие и хорошие переживания. Вся ее жизнь, мгновенно пролетела перед ее внутренним взором, оставляя на душе, нехороший осадок. Осадок, от которого, как казалось Кате, она уже давно избавилась. Под ложечкой у нее еле заметно засосало и сделалось немного страшно и тоскливо. Странное ощущение охватило ее. Ощущение знакомое, но давно забытое. А за ним, в душе появился непонятный ужас.

«Что со мной?» – подумала Катя, – «Что это? Тоска по Земле-матушке? А ведь я больше никогда не увижу Землю. Никогда. Может быть, в скором будущем, человечество достигнет таких высот, что сможет беспрепятственно летать на Марс и обратно, но меня, возможно уже не будет в живых. И почему я об этом не думала так, как сейчас, когда исправить уже ничего нельзя», – под ложечкой снова засосало, – «Никогда», – завертелось у нее в голове, – «Никогда не увижу Землю».

Пыль, за стеклами иллюминаторов, постепенно оседала и начинала медленно вырисовываться поверхность Марса. Катя вглядывалась, но отчетливо увидеть ничего не могла. И чем понятней становился пейзаж, тем больше отпускал ее необъяснимый страх, и тем радостнее и сильнее начинало стучать ее сердце. И чем ярче проступал ландшафт, тем бледнее становились мысли о Земле, и о пережитом прошлом, как будто они тоже опускались на поверхность и потихоньку покрывались толстым слоем марсианской пыли.

– Сканирование комплекса завершено, – внезапно и все так же равнодушно сказала Ипа, – Суммарный уровень повреждения составляет 1,67%. Ошибок программного обеспечения не обнаружено. Важные жизненные и вспомогательные функции комплекса в норме. Герметичность отсеков в норме. Более точные данные вывожу на голопроектор.

Над головами Ника и Кати вылезла круглая, небольшая, полупрозрачная линза, которая засветилась и перед пилотами появилась трехмерная, вращающаяся голограмма ЖДК. Чуть ниже мелькали цифры и график, показывающий уровень и классификацию поломки, а также возможную причину и способы ее устранения.

– Ипа, на сколько мы отклонились от зоны посадки? – спорила Надя.

– Посадка в точку приземления произведена успешно, – ответил женский электронный голос, – отклонение составляет всего 2,56%.

– В яблочко, – не сдержав восторга крикнула Надя, а затем обратилась к Нику, – что там у нас?

– Повреждены две противоударные пружины. Нет электричества на «кухне», – радостным голосом сообщил Ник, смотрев на голограмму, – короткое замыкание в третьем щитке, сгорел воздушный фильтр в верхней камере, и-и-и-и, – потянул он, как будто наслаждаясь, – вроде все, поломок больше не обнаружено.

Пока говорил Ник, стояла гробовая тишина. Все ожидающе молчали, тщательно прислушиваясь к каждому его слову, но после того как он закончил, уже смело и не боясь услышать упрек командира, снова раздался голос Этьена, – Добро пожаловать на Марс. Да, да, да черт побери, мы сделали это. Я-я-я-х-х-у-у. Жаль, что мы не взяли с собой шампанское, а то бы я открыл одну бутылочку, да окатил вас с ног до головы.

В наушниках зазвучал смех и восторженные возгласы.

– Я люблю. Люблю. Люблю НАСА, – еще раз признался в любви Этьен, отстегнул ремень и, сделал несколько неудачных попыток встать с кресла, – Что-то я отвык от гравитации.

– Привыкай, – со смехом сказала Томоко и кряхтя, последовала его примеру, – Надо было больше заниматься на тренажерах, а ты лентяй отлынивал.

– У меня нет комплексов, по поводу своей фигуры как у некоторых, – шутливо ответил Этьен, – я и так знаю, что я стройный и красивый, и бегать в космосе, как хомячок по кругу, я и не собирался еще во время нашей подготовки на Земле. Да кстати, благодаря мне вы сэкономили немало провизии, потому что я не тратил калории, реже чувствовал голод, а значит и меньше ел.

– Если бы ты меньше ел, – засмеялась Катя, – Ты бы сейчас легко оторвал свой зад от кресла.

– Да, да. Точно, точно, – послышались в наушниках мужские и женские голоса, вместе с громким хохотом.

– Смейтесь. Смейтесь, – делая вид, что обиделся, сказал Этьен, – Когда-нибудь историки оценят великий подвиг самопожертвования первого француза, полетевшего на Марс, и не щадившего живота своего ради общего блага.

– Оценят, оценят, – серьезным тоном промычал Лао себе под нос, при этом ворочаясь в кресле и пытаясь вытащить из гнезда застрявший там карабин ремня безопасности, – Оценят, оценят... Не знаю, как вам полет, ребята, но посадка на Марс-это было что-то. Наконец то все позади. Я чуть в штаны не наделал. Надо сообщить на Землю, что бы НАСА для следующих полетов, придумали и выдавали астронавтам космические подгузники, – кто-то захихикал, и Лао, услышав это, шутливым голосом добавил, – Ничего смешного не вижу. Нет. Я серьезно говорю. Эта посадка была похлеще ... – он задумался и наконец выдал, – ... похлеще, чем американские горки. Не так ли ковбой?

– О-о-о, – потянул с улыбкой Ник привстав и посмотрев на уже стоящую Катю, – Поверь, ты просто не катался на настоящих аттракционах. Посадка на Марс по сравнению с ними-это просто легкая прогулка на велосипеде по китайской стене.

Раздался смех, а затем серьезный голос Нади стал отдавать команды: «Так. Все. Собрались. Лао, займешься „кухней“ и замыканием в третьем щитке...»

– Понял, – отозвался китаец, отстегивая и снимая с головы шлем скафандра. Вытерев ладонью легкую испарину на лбу, он глубоко вдохнул носом воздух, как будто находился где-нибудь на морском пляже или в лесу.

– ...Фильтр подождет. Ничего страшного, – продолжала Надя и посмотрев на Этьена заискивающе спросила, – Ну, первый человек, который должен ступить на красную планету, ты готов оставить след в истории не только на Земле, но и на Марсе.

В ответ, через стекло скафандра Этьена, она увидела его сияющую и довольную улыбку.

– Значит готов, – ответила сама себе Надя, а затем добавила, поочередно переводя взгляд с одного члена экипажа на другого, – Этьен, Ник и Томоко идут наружу. Необходимо, в первую очередь, визуально осмотреть дно ЖДК, затем и сам ЖДК на наличие повреждений. Ипа могла что-нибудь пропустить. Так же, нужно выявить причину поломки пружин, чинить мы их будем наверно уже на базе, – Надя ненадолго задумалась, – Ладно разберемся. И самое главное, досконально осмотрите ходовые механизмы. Без них мы не двинемся с места, – голос командира иногда подрагивал. Чувствовалось волнение за ту ответственность, которая была возложена на нее, – и не забудьте оглядеться вокруг. Нужны любые данные по изменению ландшафта, которые возможно произошли, после последних снимков, полученных со спутников НАСА. Не люблю сюрпризы, – Надя замолчала и осмотрев ребят, по-матерински добавила, – Да что вас учить. Вы сто раз все это отработывали на земле, – затем она повернулась и посмотрела на застывшую в вопросительном ожидании Катю, – Кэт, мы с тобой останемся в ЖДК, проведем пробные запуски «ходулей» на подъём, опускание и повороты. Так же потом надо будет...

Надя вдруг замолчала, увидев обиженные и грустные глаза Кати. Точнее в них была не обида и грусть, а разочарование. Надя сразу все поняла и как бы извиняясь, опустила глаза,

а затем снова посмотрев на Катю, сказала, – Ладно. Иди с ребятами. Я здесь сама справлюсь. Если что, Лао поможет.

– Да не вопрос, – спокойно подтвердил китаец и подошёл к люку, закрывавшему проход в коридор с отсеками, – Ипа, открой защитную переборку.

– Выполняю, – сказал электронный женский голос, затем на небольшой панели с боку загорелся зеленый свет, раздался слабый пикающий сигнал и выпуклый, круглый люк стал медленно открываться.

Катя довольно заулыбалась, и Надя, тоже ответив ей улыбкой, взглянула на небольшой радар, мигающий чуть выше головы Кати. На нем то загоралась, то через какое-то время пропадала и снова загоралась, ярко-зеленая точка.

– Осталось совсем немного, – с гордостью в голосе сказала Надя, посмотрев на цифры под точкой, – повернем ЖДК на 18 градусов вправо, а затем загоним в жилую зону. Какие-то 437 метров отделяют нас от завершающей стадии высадки, – она обернулась и посмотрела на экипаж, – так давайте закончим, то что начали. Сделаем то, чего от нас ждут. И возможно когда-нибудь нашими именами назовут улицы и города на Марсе. А может быть и не только на Марсе, но и на других планетах...

Все молча смотрели на нее, как будто ожидали еще чего-то.

– ...Ну все, – закончила Надя, а затем, взглянув на открытый люк, спокойным и командным голосом, добавила, – а теперь давайте за работу...

Вдруг снаружи послышался странный и жуткий рев, как будто Марс одновременно застонал, загудел и заревел, да так громко, что казалось будто первые колонисты находятся одновременно на борту гудевшего парохода; летящего, с огромной скоростью вниз, самолета; и при этом, еще и внутри воющего автомобиля, в котором сработала сигнализация.

– Что это, – спросила испугано Катя, схватившись за руку Ника.

Тот удивленно на нее взглянул, а потом посмотрел на командира, и по такому уже удивленному взгляду понял, что ответа он не получит.

– Что происходит? Что это? – послышалось в наушниках, – Какого...

Рев резко прекратился, а затем, так же неожиданно ЖДК несколько раз подбросило вверх и сильно качнуло из стороны в сторону. Потом все стихло.

Еле устояв на ногах, ребята удивленно смотрели друг на друга, не зная, ждать ли им еще новых неожиданностей. Но больше ничейно не произошло.

– Не может быть, – вдруг сказала Томоко, которая во время толчков быстро уселась в кресло, – этого не может быть... Но на Марсе не зафиксировано землетрясений... Вернее марсотрясений, превышающих 1,5—2 балла по шкале Рихтера, – испугано бубнила она себе под нос и в тоже время обращаясь ко всем, – А здесь 4 или 5, а может и все 6, – японка посмотрела на Надю, а потом на всех остальных, – Я... Я не говорила вам... Я боюсь землетрясений. В детстве мне несколько раз пришлось испытать его на себе. Как сейчас помню тот пережитый мной ужас. Его не предать словами. Все ходит ходуном, дрожит, вибрирует. Только испытавший это на себе поймет меня. И этот страх, страх появившийся еще у маленькой девочки, очень глубоко сидит во мне и избавиться от него невозможно, – Томоко немного помолчала, – А может я и не пыталась. Но я не знаю, как. Чтобы побороть его, я окончила медицинский институт, изучила строение человека, прочитала массу литературы по психологии, неврологии и много еще чего, но победить его так и не смогла. Он как заноза, вроде и не беспокоит, а дотронешься-больно, – она опустила взгляд на пол, – Я боюсь... Я очень боюсь землетрясений. Очень. А в НАСА об этом ничего не знают. Я им, как и вам ничего не говорила. Простите. Простите меня. Я должна была сказать психологам про свою фобию. Но я и не думала, что на Марсе... Я так сильно хотела полететь...

– А может, благодаря этому страху ты и оказалась здесь, – спокойно сказала Надя, – Может и не стоило с ним бороться, а нужно было его принять как своего союзника. Ведь

если бы не он, ты бы не пошла в медицинский институт, не стала бы хорошим доктором, и возможно, никогда бы не добилась того, о чем мечтала. Может этот страх был стимулом к твоему движению, которое привело тебя на Марс? Подумай об этом на досуге. Да, кстати, – Надя улыбнулась, – у меня, как и у каждого из присутствующих здесь, тоже имеются свои скелеты в шкафу, и я не вижу особого повода расстраиваться об этом. А уж тем более сокрушаться о том, что давным-давно осталось в прошлом, и о том, что уже никак нельзя исправить. Да и вообще, Томоко, помни кто ты есть сейчас. В данный момент. Ты врач. Психолог. И замечу отличный психолог. Так что, я думаю, ты справишься. Ты должна справиться. И должна быть готова к любым неожиданностям.

– Командир как всегда права, – сказал Ник и посмотрел на японку, – Скажу честно, я тоже очень сильно испугался. Даже испугался-это не то слово. И еще, меня это марсотрясение крайне удивило. Странно все это как-то. Ведь последние исследования планеты ничего подобного не выявили. Надеюсь, что сейсмометры, оставленные здесь в 2026 году, отправят данные на Землю, –он задумчиво сделал паузу, – Интересно. Но почему за столько лет в НАСА небыли зафиксированы толчки такой силы? Может с сейсмометрами что-то не так?

– А этот звук. Он не похож ни на что, – вставил Лао.

– Похож, – сказала Катя и все на нее странно посмотрели, – Не совсем, но похож. До подачи заявки в «Марс -1», а точнее сказать с детства, я увлекалась... –она замолчала, посмотрела на ребят и слегка стесняясь добавила, – только не смейтесь, я увлекалась необъяснимыми явлениями в космосе и на Земле.

– Все-таки, времени на Земле нам не хватило, для того чтобы хорошо узнать друг друга и многое рассказать о себе, – сказал Этьен и одобрительно потянул, – О-о-о, Ке-е-ет, я вообще-то тоже обожаю неразгаданные тайны. Ну про фантастику ты знаешь. И я думаю... – он обвел взглядом экипаж, –...мы все здесь очутились именно по этой причине, так что давай говори.

– Так вот, – продолжила Катя, – на Земле существует похожий феномен, но землетрясений при этом не наблюдается.

– Ты про что, – спросил Лао.

– Стон Земли. Гул Земли. Предвестник апокалипсиса. И так далее. В разных уголках Земли его называют по-разному...

– Да. Да, – влезла в разговор Томоко, придя в себя и привстав с кресла, – Слышала я об этом.

– И я вспомнил, – сказал Ник, – что-то подобное читал в интернете. Правда давно это было.

– ...По статистике, проведенной независимыми исследователями, – начала Катя, – звучание, длительность и громкость, этого загадочного явления, меняется каждые 3—4 года...

– Хватит, Кэт, – прервала ее Надя, – мы уже не на Земле и всему есть свое логическое объяснение. Шум-это, скорее всего, результат трения тектонических плит друг о друга. Марсотрясение такой силы-это конечно сюрприз, но это значит, что в недрах планеты происходят процессы похожие на земные. И из этого следует, что Марс практически похож на нашу родную планету, и на Марсе должна быть вода в жидком виде. А ведь именно это нам сейчас больше всего и нужно, – Надя вновь осмотрела экипаж, – Ребята, мы уже здесь. Назад дороги нет. Сомневаться и беспокоиться уже поздно. Так что, давайте загоним ЖДК в жилую зону. А дальше... А дальше сообщим В НАСА, что «колония Марс-1» благополучно совершила посадку на красную планету и в первые в истории, успешно приступила к освоению территории, находящейся, за много миллионов километров от Земли.

Глава 3

Эхо шагов Сергея набатом стучало в длинном и ярко освещённом коридоре здания генерального штаба Российской Федерации. Шалыгин шел неторопливо, как бы смакуя каждый шаг и получая удовольствие от каждого удара офицерского ботинка о гладкий и зеркально отполированный пол.

– А ведь я уже и забыл, когда последний раз надевал «парадку», – мысленно сказал сам себе Сергей, искоса поглядывая на себя сверху вниз. Он делал это незаметно, что бы, ни дай Бог, никто из редких, случайно попавшихся на встречу офицеров, этого не увидел.

– Орел. Хоть прям сейчас на парад отправляйся или на какое ни будь похожее мероприятие, – подумал он самодовольно и не без удовольствия, принялся сбивать указательным пальцем правой руки, пылинку, случайно замеченную, и как казалось Сергею, портящую собой, внешний вид, темно-синего мундира. И вот, поставив несколько «шелбанов» пылинке, висевшей чуть ниже левого плеча, Шалыгину наконец удалось от нее избавиться, и он с легким наслаждением, принялся поправлять медаль «Участника военной операции в Сирии», орден Мужества и «Золотую медаль Героя Российской Федерации», которые красовались немного ниже того места, где когда-то находилась злосчастная пылинка. Внезапно, легкая грусть охватила его. Он вдруг вспомнил, как главнокомандующий лично вручал ему золотую медаль героя, как он жал ему руку, как кругом все стоя аплодировали, и как Светка, с крохотной Анжелой на руках, тоже пыталась хлопнуть в ладоши, и как она улыбалась, глядя на Сергея, и как блестяли ее глаза, в ярком сиянии кремлевского золота, и как она гордилась им тогда...

– Да не люблю я все эти парады и праздники, – подумал Сергей, отгоняя внезапно нахлынувшие на него воспоминания, – Небо я люблю. Летать. А все эти празднования и торжества не для меня. Не мое это. Не мое. Все эти награждения. Да и все эти медали. Зачем? – и вдруг, ему вспомнилась когда-то давно услышанная фраза «Не за чины и награды», – Не за чины и награды Родине служат, – добавил он от себя два слова, а затем снова взглянул на себя сверху вниз, – Хотя... Хотя приятно, когда тебя ценят, – Сергей задумался, а затем закончил, – Ценят, а не оценивают.

Пройдя целую вереницу кабинетов, Шалыгин остановился в конце коридора, возле двери с нужным номером. Немного ниже цифры 52, была прикреплена табличка с надписью: «Заместитель начальника центра военно-стратегических исследований генерал-лейтенант Суханов И. М.»

Взявшись за козырек, Сергей поправил на голове фуражку, потом он посмотрел на стрелки командирских часов, одетых на левую руку, и удовлетворенно улыбнувшись, открыл дверь.

– У Ильи Михайловича сейчас начнется совещание, – равнодушно сказала симпатичная секретарша, не обращая ни малейшего внимания на вошедшего Шалыгина. Она ловко перебирала длинными и покрашенными ногтями по клавишам голограммы, напоминающую собой обычную компьютерную клавиатуру, – Он занят. Зайдите пожалуйста, примерно, часа через полтора.

– Здравствуйте, – поздоровался Сергей, закрывая за собой дверь, – вообще-то мне тоже на совещание.

– Сергей Иванович Шалыгин? – спросила секретарша, не отрывая глаз от полупрозрачного, висевшего в воздухе, экрана, на которой появлялись буквы, набираемого ею текста.

– Так точно, – ответил Сергей, и жадным взглядом пробежался по пышным формам девушки.

– Проходите. Вас ждут, – все так же безразлично произнесла та, уставившись в голопроектор.

Сергей подошёл к двери, расположенной справа, и оказавшись спиной к секретарше, снова посмотрел на командирские часы.

– Проходите, – прозвучал за спиной настойчивый женский голос, – Совещание вот-вот начнется.

Шалыгин дождался, когда секундная стрелка приблизилась к «без пяти девять», и только тогда вошёл в дверь.

– А вот и он. Я же говорил, что он придет тютелька в тютельку, – раздался знакомый голос Ступина, когда Сергей оказался в просторном и освещённом, утренним солнцем, кабинете. Он застыл у двери, ожидая приглашения, и стал быстро осматриваться. По середине огромного кабинета стоял прямоугольный, длинный, черного цвета стол, с одной стороны которого сидел Ступин, а с другой-три, незнакомых Шалыгину, человека в гражданском. Слева, у приоткрытого окна находился мужчина в генеральском мундире, с седыми и аккуратно зачёсанными назад волосами. В правой руке он держал недопитый стакан чая. Казалось, что он любит вид с наружи и одновременно наслаждается свежим, утренним ветерком, дувшим с улицы.

– На сколько я его знаю, Илья Михайлович, он всегда был пунктуальным человеком, – продолжал Ступин, обращаясь к человеку возле окна.

– Да. Да. Точность-вежливость королей, – отозвался твердым и уверенным голосом Илья Михайлович, а затем повернулся, взглянул на висевшую над входной дверью, голограмму часов, и поставив стакан на столик возле окна, добавил, – Ну что господа, пора приступать, – он посмотрел на Шалыгина и указал рукой на свободные стулья возле стола, – Вы присаживайтесь, Сергей Иванович. Присаживайтесь.

Шалыгин сел рядом со Ступиным и еще раз обвел взглядом незнакомцев, напротив.

– Итак, – начал человек в генеральском мундире, усевшись в изголовье стола и посмотрев на присутствующих, – Сергей Иванович, вы находитесь в отделе, контролирующем важные научные достижения и открытия, а также, способы их применения в военном и стратегическом направлении. Меня зовут Суханов Илья Михайлович. Можно сказать, что это я отвечаю за все, только что выше сказанное. Со Ступиным Станиславом Павловичем вы знакомы. . .

– Так точно, – вставил Сергей.

– . . . Это, – Суханов перевел взгляд и указал левой рукой на скуластого мужчину средних лет, с хорошо заметным, спортивным телосложением, – Рыков Александр Петрович, отдел государственной безопасности. Рядом с ним. . . – Илья Михайлович показал на толстяка, который вытирал носовым платком капельки пота, часто появляющиеся на его лысой голове, – Лубянин Олег Константинович, авиаконструктор, доктор технических наук. И наконец. . . Брунин Борис Николаевич, научный сотрудник НИИ, профессор, академик, физик-теоретик и так далее, и так далее, и так далее.

Профессор встрепенулся, зацвел, а на его лице появилась слегка заметный, застенчивый румянец. Чтобы скрыть свою неловкость он снял очки, отвернулся от показывающего на него Суханова, и подышав на стекла, стал неистово их тереть о рукав пиджака.

– Господа. А это . . . – Илья Михайлович, ткнул рукой в Шалыгина, – . . . наш летчик-испытатель. Прошу любить и жаловать.

Профессор и авиаконструктор почти одновременно кивнули Сергею головами, поприветствовав его. Шалыгину даже послышалось, будто Брунин неуверенно произнес слово: «Здрассте», но возможно, это только послышалось. Рыков, наоборот, как-то высокомерно и холодно посмотрел на Сергея, а затем, не изобразив на лице ни одной эмоции, отвернулся в сторону Суханова.

– Интересно? – подумал Шалыгин, – У них в ОГБ все такие, или только этот? – он тоже в ответ сделал надменное лицо, а затем перевел взгляд на Илью Михайловича.

– Ну все. Теперь можем начинать, – Суханов нажал на кнопку селектора и четко произнес, – Код безопасности «красный».

Сергею приходилось слышать о всяких там специальных устройствах, предназначенных для предотвращения утечки секретной информации, а в простонародье называемых «анти шпионами», но он никогда не видел их в живую. И то что произошло потом, Шалыгина немного удивило.

– Команда принята, – произнес электронный голос и полуоткрытое окно сразу захлопнулось. Стекла, во всех окнах кабинета, потемнели и в помещении воцарился легкий полумрак. Входная дверь, находившаяся справа от Сергея, щелкнула и тот понял, что в ней сработал замок. На потолке появились несколько полукруглых линз из которых, по всему кабинету, охватывая стены, потолок, а также пол, быстро поползли широкие, красноватые лучи, которые соединяясь с друг с другом, образовывали еле заметную, сплошную, лазерную пленку.

«До чего же техника дошла» – шутливо подумал Шалыгин, вспомнив фразу из старого мультфильма, виденного им в детстве – «Вашу маму и тут, и там передают».

Он, не отрывая глаз, следил за пленкой, которая быстро заволакивала пол, и так же быстро приближалась к тому месту, где он сидел. И вдруг, в голове Сергея неожиданно возник вопрос: «Интересно, как поведет себя лазер, наткнувшись на мои ботинки?».

Но красный луч, как будто не заметил подошвы ботинок, как и всех препятствий, встречающихся ему на пути. Он поднырнул под них, а затем, как ни в чем не бывало, продолжил свой путь и соединился с другим лучом.

– А сейчас наверное... – Шалыгин посмотрел на потолок, -... сверху вылезут турели, как в фантастических фильмах. А может еще и пол потом раздвинется и снизу медленно поднимется какой-нибудь вооружённый до зубов страшный робот, с мигающей лампочкой во лбу и жутким, механическим голосом, скажет: «Граница на замке. Враг не пройдет». Ну или что-то в этом роде.

Но ничего подобного не произошло. После того как, слабоосвещённое помещение было наглухо запечатано лазерной пленкой, спокойный голос Суханова произнес, – А теперь, Сергей Иванович, давайте введем вас в курс дела, – он перевел взгляд на профессора, – Вам слово, Борис Николаевич.

Брунин встал и два раза покашлял в кулак.

– Да вы не волнуйтесь, профессор, – сказал Суханов уверенным голосом, – Присядьте. Вы не на кафедре перед студентами.

– Нет спасибо, – ответил Брунин, – Мне так удобней. Я так привык.

Он еще раз прокашлялся, и наконец-то набравшись смелости, выговорил командным голосом, – Включить изображение.

Над столом появился широкий, белый луч, который немного порябив, превратился в медленно вращающуюся, объёмную голограмму. Сергей сразу догадался, что на ней изображении, но не был уверен на сто процентов. Перед ним крутился трех мерный чертеж устройства, похожего на две вытянутые кастрюли, которые соединялись между собой трубками, разных форм и размеров. В стенке одной из кастрюль торчал конусообразный патрубок, сужающийся в конце.

– Сопло, – подумал Сергей, – Скорее всего, это какой-то новый реактивный двигатель. Но почему такая секретность? Движок, как движок. Хотя я не особо в этом разбираюсь, но на многих подобных этому, мне приходилось полетать и даже один чуть не стоил мне жизни. Заглох, при выходе из штопора, падла, – искорка гнева и иронии пробежала по лицу Шалыгина, когда он смотрел на вращающуюся голограмму, – А ведь мне тогда досталось. Ох, как досталось от Ступина. Отказался выполнить приказ диспетчера: «Покинуть машину», а покинуть машину-это значит сдать. Покинул машину-значит, ты трус. У летчика-испытателя есть правило: «Посадить самолет, во что бы то ни стало. Попытаться посадить, несмотря ни на что. Иначе все было зря. Иначе все было напрасно и после тебя может погибнуть кто-то другой. Другой испытатель. А это значит, что ты подвел своего товарища. И не только его». Да и к тому же

«птичку» стало жалко. Ведь она как живая. Для нас летчиков, они все как живые. Но многим этого не понять. Как не понять рождённому ползать того, кто рожден летать. Поэтому меня Стас и не понимает. И наверное не поймет никогда.

После разбора полета и оценки моих действий, начальство стало забывать об этом испытании. Ничего необычного. Просто один из будних дней летчика-испытателя. Просто повезло и все прошло удачно. Просто повезло... Так думали наверху, пока, неугомонный Палыч кой кому и кое где не объяснил, что я спас не только самолет, но и показал, что такое честь, достоинство и профессионализм летчика Российской авиации. Орден Мужества мне вручили потом, полгода спустя, а до этого, когда меня к себе вызвал Ступин, я почувствовал, что собирается буря. И я не ошибся. Тогда, первый раз в жизни я увидел Станислава Павловича в таком страшном бешенстве.

– Ты должен был катапультироваться, – орал он и мне показалось, что он вот-вот начнет рвать на себе волосы, – А ты все на удачу надеешься. Чекаловым себя возомнил? – Стас сузил глаза, – Тебе сколько лет? Тридцать с хвостиком. А ты ведешь себя, как ребенок. И не забывай... У тебя дочь есть. Ты о ней хоть подумал, когда геройствовал. А если бы ты не вышел из штопора? Если бы двигатель не завёлся?

– Но ведь завелся, – отвечал я, а самому действительно было стыдно. Как я в тот момент мог забыть об Анжеле. Не знаю. Может Стас прав и я как ребенок.

– Завелся, – кричал покрасневший Ступин, – Да это просто чудо какое-то, что он завёлся. Наверное, фея прилетела и махнула волшебной палочкой. А может ангелы, где-то там, сидя и болтая ножками на облаках, пожалели тебя? «Ну» – думают – «Давай поможем Сергею Ивановичу, а то рано ему еще к нам, на небушко-то... Да пойми ты, придурок. Рисковать незачем. Здесь тебе не война. Здесь тебе не Сирия. Понял?

– Понял, – отвечал я, чувствуя себя школьником из картины Решетникова «Опять двойка».

– Понял? – вопил Ступин, – Да ни хрена ты не понял.

Затем Станислав Павлович кричал еще что-то: о том, как я буду до конца своих дней подметать взлетную полосу, драить дула у таков и еще что-то в этом духе, а я стоял у него в кабинете и молча слушал, опустив глаза.

И вот наконец дождавшись, когда Стас выговорится и остынет, я посмотрел на него и простецки сказал, – Палыч, а давай выпьем.

Тот с начало послал меня к матери Бени, потом около минуты не культурно выражался в мою сторону, вспоминая отрывок из устава о соблюдении субординации между военнослужащими и офицерами, а затем махнув рукой, согласился.

Ох и нажрались мы с ним тогда...

– Сергей Иванович... – голос Брунина отвлек Шалыгина от нахлынувших воспоминаний. Он посмотрел на освещённого голограммой профессора и увидел, как у того странно горели глаза. Казалось, что Борис Николаевич гордился так, как будто сделал что-то грандиозно-выдающееся.

– ... Сергей Иванович, перед вами реактивный двигатель нового поколения РД 510 м-ТЯ. Для того чтобы вам было понятно о че пойдет речь дальше, давайте немного окунемся в историю. Еще в двадцатом веке великие умы человечества заметили, что традиционные источники энергии радикально устарели. Они отрицательно влияют на окружающую среду, да и количество ресурсов тоже не вечно. Поэтому исследования, направленные на поиск новых источников энергии, ведутся очень давно. Еще в пятидесятых годах прошлого столетия, в СССР, была построена первая установка «Токамак», с целью достижения управляемого термоядерного синтеза. Спустя, почти 60 лет, в 2007 году, на юге Франции началось строительство экспериментального термоядерного реактора, или просто ИТЭР. Сергей Иванович, я не буду вам рассказывать, как происходит синтез в вакуумной камере и строение установки «Токамак»,

меня попросили объяснить все вкратце, но замечу что для удержания плазмы внутри криокамеры, необходимо очень сильное магнитное поле. Среди многих недостатков ИТЭР, именно этот является самым существенным, и в основном из-за него происходит срыв термоядерной реакции, что до сих пор не позволяет работать реактору без остановок. – Борис Николаевич замолчал, обвел сидящих взглядом, а затем с гордостью продолжил, – России, как участнику строительства ИТЭР, было предложено помочь в решении этой проблемы, и эта честь выпала нашему НИИ имени Константина Эдуардовича Циолковского. В 2032 году, благодаря нашим разработкам в области нано технологий, нам удалось создать электромагнитное поле огромной мощности, которому не требуется больших энергетических затрат для его формирования. После удачных испытаний и некоторых доработок, мы создали сферический прототип «Токамака», в котором продолжили эксперименты по увеличению мощности. Когда нам удалось достигнуть такой плотности поля, при которой оно не пропускает сквозь себя ни одну известную науке частицу, мы сделали сенсационное открытие, – Борис Николаевич выдержал паузу, – мы обнаружили существование некоей субстанции, доселе неизвестной пока современной науке. У нас сложилось много теорий по этому поводу, но одна укоренилась полностью, – Брунин взглянул вверх так, как будто сверху на него смотрел сам Циолковский, и с неописуемым ликованием произнес, – Это эфир, господа, – он осмотрел сидящих, – Да. Да. Тот самый эфир, который присутствует везде во вселенной и даже сейчас в этом кабинете. Еще сам великий Ньютон, да и другие ученые с мировым именем, выдвигали гипотезы о его существовании, но доказать его присутствие, так и не смогли. Это тот самый мировой, невидимый газ, о котором писал Менделеев. Так же мы уверены, что это и есть, та самая темная материя, о которой так часто говорят астрофизики. Но об этом говорить пока еще рано. Тем более... – Брунин покосился на сидевшего справа Рыкова... – нам запретили делиться этим открытием с мировым сообществом и совместно продолжать исследования. И я надеюсь, что это не на долго. Ну ладно... Не будем об этом, – профессор снова посмотрел на Шалыгина, – Так вот, Сергей Иванович, это еще не все. Увеличивая электромагнитное давление в сфере, нам удалось материализовать те частицы, из которых состоит эта субстанция. Это те самые частицы, благодаря которым появилось все вокруг. У них много названий. За многие десятилетия наука, в попытке понять, как возникла вселенная, давала этим частицам разные имена. Сергей Иванович, – Брунин остановился, задумался, а затем набрав воздуха в грудь продолжил, – я не буду перечислять все названия, но чтобы вам было понятней, выберу одно: «частица Бога». Я думаю этот термин говорит сам за себя. Продолжая опыты, мы открыли, что эфир состоит только из одной частицы, «частицы Бога», и в нем нет других частиц, как предполагают некоторые ученые...

– Борис Николаевич, – перебил профессора Рыков, – мне кажется вы немного увлеклись.

– Да. Простите, – тот посмотрел на качка, – Просто я привык все подробно объяснять. Простите еще раз великодушно, – он перевел взгляд на Шалыгина, – Постараюсь изъясняться кратко и понятно. На чем мы остановились? А-а-а... – профессор набрал воздуха в грудь, - ...Так вот, воодушевленные успехами и новыми открытиями, нам удалось совершить невообразимое. Мы решили не останавливаться на достигнутом и продолжили свои эксперименты с сжатием плотности поля, и... – Брунин поднял кулак и покашлял в него, – ...8 ноября 2033 года, в 14:03, как сейчас помню тот день, в вакуум-камере образовалась первая в мире, искусственно-созданная «черная дыра», – профессор посмотрел на присутствующих в кабинете, как будто ища поддержки или ожидая похвальных возгласов, но не дождавшись ни того ни другого, с небольшим разочарованием на лице, продолжил, – С начала мы не поняли что это, но со временем стали догадываться. Ведь в научном мире под термином «Черная дыра» подразумевается дырка, которая куда-то ведет. Но наше открытие показало, что это не так и когда власти... – Борис Николаевич снова посмотрел на Рыкова, и в этот раз с легкой, чуть заметной брезгливостью, - ...разрешат нам все-таки поделится своим ошеломляющим открытием, то я думаю, мы перевернем все научные знания и теории о строении и происхождении

этого мира. На самом деле «Черная дыра» – ...Брунин перекидывал взгляд, то на Ступина, то на Шалыгина, то иногда задевая им Суханова-...это вращающиеся с огромной скоростью, вокруг друг друга, частицы. Те самые «Частицы Бога», которые обладают нулевым зарядом, а также, до конца неизученной Кулоновской силой, благодаря которой эти частицы не возможно соединить друг с другом даже при сверхсильном электромагнитном давлении. Мы обнаружили, что если пытаться их сблизить на максимально близкое расстояние, то они начинают этому сопротивляться и образуют хаотический хоровод, и скорость вращения этого хоровода настолько велика, что он создает вокруг себя собственное, невероятно сильное магнитное поле. А магнитное поле-это и есть та самая гравитация, о которой говорил Эйнштейн, – профессор остановил взгляд на Шалыгине, – Вы себе не представляете, Сергей Иванович, какие знания и какая мощь таится в этом открытии. Целая вселенная раскрыла нам свои тайны. А может и сам Бог протянул нам свою руку помощи и поделился секретами создания мира. Изучая «Черную дыру», – Борис Николаевич на секунду замолчал и задумался, – Я думаю пора дать другое название этому вселенскому феномену, так вот, изучая дыру мы обнаружили, что она плоская. Неимоверно быстрое вращение черных частиц в ней, искажает ее видимость, поэтому «Черная дыра» выглядит со стороны, как вращающийся, полупрозрачный шар, напоминающий нору. А на самом деле, она похожа на обычную десятирублевую монетку или слегка выпуклую с обеих сторон, стеклянную линзу. Теперь представьте, как эта темная линза, вращаясь где-то во вселенной, начинает притягивать к себе газ и пыль. Именно так, Сергей Иванович, когда-то образовывались планеты и звезды. И мы предположили, что внутри каждой планеты, внутри каждой звезды, находится своя маленькая «Черная дыра». Да. Да. И в Земле тоже. И именно благодаря этой «черной дыре», внутри нашей планеты и происходят те грандиозные процессы о которых мы знаем. И именно благодаря ей вокруг Земли существует электромагнитное поле, защитный, озоновый слой, а значит и атмосфера. И я с моими научными сотрудниками считаем, нет мы просто убеждены, что именно «черной дыре» мы обязаны появлению жизни на нашем голубом шарике. А теперь, Сергей Иванович, давайте заглянем глубоко в космос. Представьте себе, как очень большая, немислимых размеров, линза начинает притягивать к себе эти самые планеты и звезды. По нашей теории именно так и появились галактики. И именно сейчас становится ясно, почему они напоминают расплюснутые блюдца, а также, почему орбиты планет некоторых солнечных систем, включая и нашу, находятся на одной плоскости. Мы назвали это открытие «Гравитационным горизонтом», и величина этого горизонта зависит от силы и скорости вращения «Частиц Бога», а также от размера самой «Черной дыры». Но как появляются дыры в космосе пока не ясно. Думаю, в скором будущем...

– Борис Николаевич, – раздался хладнокровный голос Рыкова, – Вы снова увлеклись. Мне кажется, Сергею Ивановичу, пора узнать то, что касается непосредственно его самого.

– Да вы правы, – осунулся разгорячённый профессор, – Прошу прощения. Итак, перейдем к технической части, – он посмотрел на голограмму, – как я уже говорил перед вами реактивный двигатель. Его отличие от других двигателей состоит в том, что он работает на термоядерном синтезе. Чтобы вам было легко понять, Сергей Иванович, я скажу проще. Внутри этого двигателя находится искусственно созданное солнце. Да. Да, – Брунин слегка ухмыльнулся, – то самое солнце, которое мы с вами видим каждый день. Здесь... – профессор достал из кармана авторучку и ткнул в одну из кастрюль, – создается мощное электромагнитное поле, в результате которого появляется очень маленькая «Черная дыра». Дальше... – Брунин указал на несколько трубок, – в камеру поступает обогащённый водород, который при взаимодействии с дырой, расщепляется на атомы, а атомы в свою очередь-на протоны и нейтроны. Потом огромная скорость и гравитация соединяет протоны, образуя гелий который и зажигает искусственное солнце. А дальше-проще. Полученная плазма под давлением поступает в другую камеру, а затем ее выброс наружу регулируется выхлопным соплом. Чтобы завести двигатель, в основной камере необходимо создать сильное электромагнитное давление, в результате

которого образуется «Черная дыра». При этом можно контролировать и саму дыру, с помощью уменьшения или увеличения плотности поля. В принципе ничего сложного, – Борис Николаевич задумчиво посмотрел на верх, – Впервые испытав двигатель мы и не ожидали такой мощи... Сергей Иванович, вы представить себе не можете, какие горизонты теперь открываются перед человечеством. Термоядерный двигатель сможет разогнать космический корабль почти до скорости света. И я думаю это еще не предел. В скором будущем мы достигнем и даже, возможно перейдем барьер в 300 тысяч километров в секунду, – Брунин остановился и обвел взором сидящих, – Учитывая сближение между планетами, корабль на нашем двигателе долетел бы с Земли до Марса почти за сутки, в отличии от сегодняшних двигателей, и это при том, что количество взятого с собой топлива, совершенно отличалось бы от нынешнего количества, которое несут с собой современные ракетносители. Нашему двигателю топлива необходимо в два, а то и в три раза меньше. Это зависит от скорости и дальности полета. Нам также удалось... – профессор загадочно посмотрел на Шалыгина, – ... решить проблему перегрузок. Да. Да. Тех самых перегрузок, с которыми вы как летчик, хорошо знакомы. После долгих исследований, мы обнаружили, что на эфир не действует сила гравитации. Точнее сказать, она не действует на то, что находится внутри эфира. Например, если поместить любой объект внутрь электромагнитного поля с эфиром, то на него, при любом изменении траектории и быстром наборе скорости, не будет действовать сила притяжения, а перегрузка будет равна нулю. Если быть точнее-нулевое джи, – Борис Николаевич прокашлялся, а затем продолжил, – К сожалению, мы пока не можем определить точных воздействий на организм человека сильного магнитного поля, но благодаря нашим усилиям и конструкторскому бюро, в котором работает Олег Константинович, – Брунин одарил взглядом, вытирающего пот, толстяка, – Удалось создать защитный костюм, но об этом вам расскажет сам Олег Константинович, а я хочу в завершении добавить... – профессор посмотрел на Суханова, и Сергей заметил в этом взгляде что-то вроде мольбы или желание быть услышанным, – ...человечество стоит на пороге грандиозных открытий. Мы уже пытаемся колонизировать Марс. И мне очень жаль, что наше изобретение не поспособствовало этому, – он сожалеюще вздохнул, – Я все понимаю. Интересы страны прежде всего, но позвольте вас спросить: «А как же наука?». Если бы о нашем открытии мир узнал раньше, то возможно красная планета была бы уже давно покорена, и земляне двинулись бы дальше в космос. Да и не только это. Мы забыли про ИТЭР и строительство новых похожих реакторов. А так же, человечество обрело бы новый, и замечу пока самый лучший, источник энергии из всех известных. И вообще, кто знает, какие бы еще открытия мы сделали всего за пару лет. И я очень прошу вас, Илья Михайлович, после испытаний самолета, разрешить мне придать огласке мои работы. Вы себе вообразить не можете сколько интереснейших открытий...

– Хорошо. Хорошо, Борис Николаевич, – перебил его Суханов, – успокойтесь. Я же обещал вам, как только пройдут удачные испытания, вы и ваша команда, получите возможность поделиться своими открытиями с мировым научным сообществом. Потерпите, Борис Николаевич, потерпите и вы получите все полагающиеся вам награды, славу, почет и уважение...

Как, – встрепенулся профессор и в его голосе зазвучала обида, – Вы считаете, что я все это делал ради каких-то там наград, – Брунин покрутил ладонями обеих рук у себя перед лицом, как будто вкручивал электрические лампочки, – Мне жаль, Илья Михайлович, что вы обо мне такого мнения. Все что я и моя команда делала, все это было ради науки, – профессор посмотрел на Суханова так, что Сергею показалось, будто глаза Брунина сверкают естественным гневом, идущим откуда-то изнутри, а не отражают свет горевшей голограммы, – И если хотите знать...

– Простите, Борис Николаевич, – перебил его Суханов, – простите. Наверное, я не так выразился. Я хотел сказать, что вы заслуживаете и почет, и уважение, особенно, от ваших иностранных коллег. Ведь то, что вы открыли-это просто потрясюще. Об этом должен узнать

весь мир. И вы действительно достойны того, о чем я говорил выше, и я обещаю вам, что вы получите разрешение на огласку, но только в свое время. Повторюсь... – Суханов немного повысил голос, -... только в свое время. И еще раз простите меня, если я не так выразился.

– «Не за чины и награды», – снова пришла в голову Шалыгину знакомая фраза. Он посмотрел на Брунина, садившегося на место и подумал, – А профессор-то правильный мужик. Да еще и с характером. Я бы наверно с таким в разведку пошёл... В какую-нибудь научную разведку...

– А теперь, – Суханов прервал мысли Сергея и посмотрел на авиаконструктора, – слово предоставляется вам, Олег Константинович.

Лубянин вставать не стал. Он только слегка наклонился вперед, провел своей полной рукой по голограмме двигателя, как будто стер с нее соринку. Изображение сразу поменялось, и Сергей тот час узнал СУ-112, с хорошо заметными изменениями в конструкции.

– Сергей, перед вами штурмовой истребитель девятого поколения Су-115к «Сапсан», – затараторил басистым голосом авиаконструктор, – Вы уже летали на моделях сотой серии и хорошо с ними знакомы. Эта модель отличается от предыдущих небольшими доработками, а самое главное изменение в ней-это термоядерный двигатель, – Лубянин повернул голову налево и взглянул на Брунина, – тот самый двигатель, про который вам рассказывал Борис Николаевич, – толстяк снова посмотрел на Шалыгина, – Благодаря этому ноу-хау, «Сапсан» обретает статус, самого быстрого самолета в мире, как и птица, в честь которой он назван. Так же, корпус Су-155к покрывает защитный экран, а точнее электромагнитное поле, которое пока что слабовато и находится на стадии усовершенствования. Но несмотря на это, поле все равно защищает самолет от потока воздуха и улучшает его аэродинамические качества. Поэтому, имея мощный двигатель и антипотокный щит, «Сапсан» способен разогнаться до огромной скорости и обладает быстрым, практически мгновенным, разгоном с места. А если быть точнее, то штурмовик сможет за несколько секунд набрать скорость свыше 600км/ч, а в толстых слоях атмосферы, при необходимости, «Сапсан» способен разогнаться до 32тысяч км/ч и этот потолок ограничивается только аэродинамическими законами. Другими словами, защитный экран не справляется и самолет просто начнет разваливаться. Но если подняться повыше, то всего лишь за несколько минут можно сделать виток вокруг земного шара. Ну, в общем со скоростью мы разобрались. Я думаю все понятно.

– Понятно? Ничего себе понятно, – подумал Сергей, – Значит мы скоро будем летать с бешеной скоростью, да еще и на черных дырах. А что дальше будет? Вот действительно техника дошла... Вашу маму, – и он незаметно, под столом, ударил своим коленом коленку Ступина, а затем взглянул на него так, что в его взгляде можно было прочесть: «И что ты раньше мне об этом ничего не рассказывал? Пердун старый».

Станислав Павлович пнул Сергея в ответ, быстро посмотрел на него, и с легкой ухмылкой показал взглядом на авиаконструктора, типа: «А ты как думал. Здесь собрались серьезные люди. Так что слушай, слушай, да повнимательней. Слушай и не отвлекайся.»

Продолжая говорить, Олег Константинович, внимательно смотрел на Шалыгина, изредка вытирая пот с лысины: «Сергей, основной вашей задачей будет не испытание скорости, а проверка манёвренности самолета и устойчивости пилота к перегрузкам в среде эфира. Конструкция „Сапсана“ позволяет очень быстро менять траекторию полета, тормозить и набирать скорость, поэтому особое внимание уделяйте своему самочувствию во время выполнения фигур пилотажа. При любом замеченном отклонении от нормы, немедленно сообщайте на Землю. Так же, под защитный скафандр вы оденете специальный костюм с датчиками, которые будут считывать данные о состоянии вашего организма».

Авиаконструктор замолчал и провел рукой по голограмме, на которой сразу появилось изображение вращающегося комбинезона.

– Скафандр «ЗЛС-8к», – продолжил Олег Константинович, – предназначен для выхода в открытый космос...

– Все интересней и интересней, – подумал Сергей и ему вспомнились слова Ступина: «Поверь мне. Тебе понравится» – Знал, Палыч, о чем будет идти речь. Знал. Не зря он мне намекал по телефону. Не зря.

– ... а также, – басил авиаконструктор, – он защищает от давления, которое создаст электромагнитное поле в кабине пилота. С ним вы хорошо ознакомитесь перед вылетом. Он практически похож на те, с которыми вам приходилось иметь дело раньше, только может стал чуточку потяжелее. Мы так же немного поработали над видео шлемом. Увеличили дальность визора, улучшили голографику, в корпус самолета встроили еще несколько камер, что позволит вам без помех вести круговой обзор, – Лубянин слегка улыбнулся, – но не пугайтесь, если иногда перед глазами будут появляться мерцающие, полупрозрачные полосы. Это эфир, который защитит вас от перегрузок, – авиаконструктор остановился, снова провел рукой по голограмме, только в обратном направлении, и на экране снова появился вращающейся чертеж самолета, – А теперь о главном. Сергей, вы, наверное, уже догадались, что «Сапсан» может атаковать с любой высоты и на любой скорости, но основная его задача-это вести бой в космическом пространстве. Он способен занять позицию, допустим, на стационарной орбите Земли, уничтожить любую цель, как на Земле, так и в воздухе, и быстро скрыться. Также, при необходимости, пилот может выйти в открытый космос, для проведения мини ремонтов, а возможно, и для ожидания помощи. В дальнейшем, мы хотим разработать эвакуационную капсулу, способную вернуть человека на Землю, но это пока только мечты, – Олег Константинович выдержал небольшую паузу, – Сергей, как вы уже наверно успели заметить, штурмовое вооружение Су-115к, тоже претерпело некоторое изменение. Подкрыльное вооружение мы убрали в специальные обтекатели, чтобы оно не влияло на аэродинамические способности самолета. Мелкокалиберное оружие мы пока менять не стали, так как на данном этапе ведутся испытания плазменных пушек, и в дальнейшем, именно ими мы и хотим вооружить «Сапсан». И самое важное, Сергей, – Лубянин замер в ожидании, максимального внимания Шалыгина, – Мы установили на Су-115к экспериментальную, неуправляемую ракету класса «Воздух-Земля». Это новая, секретная разработка нашего КБ и основана она все на том же открытии Бориса Николаевича. Вместо обычного, водородного топлива, в ракете Х-93кн под кодовым названием «Карандаш», используется термоядерный синтез...

Брунин громко закашлял и Сергею показалось, что он хотел что-то сказать, но сдержался.

– ... Сергей, я не буду говорить с какой скоростью «Карандаш» достигает своей цели, – снова продолжил Олег Константинович, – думаю и так все понятно, но хочу, чтобы вы представили противника, который даже не успел понять, что по нему произведен выстрел.

– А если этот «Карандаш» наделить ядерным зарядом? – как бы невзначай спросил Шалыгин.

– Вы мыслите в нужном направлении, Сергей Иванович, – вмешался Рыков, искоса поглядывая на профессора, – наш отдел считает, что об открытии Бориса Николаевича заявлять во все услышанные пока что, еще слишком рано. Во всяком случае в ближайшее время, – качок посмотрел на Суханова, – Именно время-это наш союзник. И мы должны успеть по полной использовать... – Рыков замялся, – ... «Черную дыру» и этот, как его там... Эфир, – он снова покосился на профессора, – Я думаю, что нужно использовать это открытие по максимуму, и выжить из него все что можно. Пока наши потенциальные противники ничего о нем не знают, мы имеем огромное преимущество. Уж поверте, Борис Николаевич, – качок взглянул на Брунина и сверкнул глазами в свете голограммы, – на нашем месте они сделали бы тоже самое.

– Напрасно, – профессор слегка наклонился и через авиаконструктора посмотрел на Рыкова, – напрасно вы, Александр Петрович, смотрите на мир сквозь черные очки. Вот вы залезли на свою колокольню, колокольню хищника, и вам кажется, что вокруг такие же хищ-

ники, как и вы, но уверяю вас, что это не так. Вы, и вам подобные, делите мир на своих и чужих, плохих и хороших, черных и белых, но жизнь существует по другим законам, а не по вашим, и эти законы существовали до вашего рождения, и будут существовать после вашей смерти. И вы ничего не сможете с этим поделать. Поверте, не все люди такие, какими вы их считаете. Разумных и добрых людей гораздо больше, чем вы думаете и не все разделяют вашего мнения. Я многих таких знаю. Со многими знаком лично и за пределами России. Мне вас жаль, Александр Петрович. Мне вас искренни жаль, – Брунин перевел взгляд на Суханова, – А так же, я сожалею, что такое великое открытие, вселенского масштаба, – профессор поднял указательный палец правой руки вверх, – используется для создания оружия. Надеюсь, оно никогда не будет использовано.

– Я тоже надеюсь, Борис Николаевич, как и вы, – Суханов бросил взгляд на профессора, а затем на Рыкова, – И я думаю, что дело до этого никогда не дойдет. Но давайте не будем заглядывать в будущее. Мы здесь собрались не для этого. Нам поставлена задача испытать штурмовик нового поколения и мы должны эту задачу выполнить. Так что, господа, давайте свои личные мнения держать при себе. Ну все на этом. Думаю, пора заканчивать, – Илья Михайлович посмотрел на Шалыгина, – Сергей Иванович, вы должны испытать не только Су-115к, но и совершить первый запуск экспериментальной ракеты с борта самолета. После удачного полета штурмового истребителя, вы выйдете на околоземную орбиту и выстрелом «Карандаша», поразите, находящуюся на Земле, мишень... Итак, сегодня вечером вы, со Ступиным Станиславом Павловичем, вылетаете в Тверскую область, город Бежецк, на сверхсекретный аэродром Дорохово. «Сапсан» уже на месте. Испытания будут проводится в ночное время, и к тому же, внимание всего мира будет приковано к Марсу, а это, господа, хоть и маленький, но все же плюс, увеличивающий шанс, что операция пройдет как можно менее заметней, – Суханов перевел взгляд на Ступина, – более точные инструкции и план полета, Сергей Иванович, вы узнаете на аэродроме, у Станислава Павловича, – Суханов снова посмотрел на Шалыгина, – Задача ясна?

– Так точно, – ответил Сергей.

– Вот и хорошо. На этом можно закончить, – сказал Илья Михайлович, сверля взглядом то Шалыгина, то Ступина, – Ну господа, удачи вам. Или как говорится «ни пуха, ни пера».

– К черту, – сказал Сергей и еще раз взглянул на вращающуюся голограмму «Сапсана», – К черту.

Глава 4

ЖДК медленно шагал по «Равнине Утопия», усыпанной камнями разного размера и формы. Шесть толстых, квадратных балок, перемещавших его, неторопливо двигались взад и вперед, при этом то поднимаясь, то опускаясь вниз. Поэтому, со стороны ЖДК напоминал громадного паука, а если приделать сверху, на небольшую и слегка приплюснутую кабину управления, две антенны, как усы у таракана, то он был бы похож на большого жука, ползущего непонятно куда и непонятно зачем.

Впереди, метрах в пяти, шёл Этьен. Он аккуратно ставил ботинки скафандра между камней, тщательно выбирая место для следующего шага и иногда всматривался в даль, в поисках наилучшего пути. Справа шли Катя и Ник, слева Томоко. Они то и дело поглаживали на «ходули» ЖДК и на те места, куда опускались квадратные балки.

Красно-желтое солнце, лениво пробивалось сквозь легкую, пыльную завесу и освещало поверхность Марса так, что ребятам казалось, будто они идут по огромной, каменистой пустыне, полностью усыпанной мелкой ржавчиной. Пыль, поднятая реверсивными двигателями, еще до конца не осела, и легкий ветерок как бы препятствуя этому, снова поднимая ее вверх и иногда закручивал в небольшие смерчи, очень похожие на Земные.

Катя шла за Ником, задрав голову, и с каким-то присущим только ей восторгом, смотрела на солнце, то опустив, то подняв золотой светофильтр на шлеме скафандра. Остальные шли молча, изредка крутя головами, посматривая по сторонам.

– А солнце-то, почти такое же как и на Земле, – вдруг сказала Катя, – только чуть-чуть поменьше размером.

– Да тут все смахивает на земное, – вставил Этьен, – Абсолютно все. Камни, ветер, горы, пыльные вихри и даже есть облака. Только вот озер и рек не хватает... И зелени. У меня почему-то такое ощущение, что здесь когда-то была жизнь. Я не знаю, как это объяснить, но я это просто чувствую. На Земле я много читал и слышал теорий о зарождении человечества на Марсе, но я не думаю, что именно это является причиной моих ощущений.

– И у тебя тоже? – спросила Томоко, – Я думала, что у меня одной так. Я уже стала подозревать, что схожу с ума, и как доктор, начала ставить себе диагнозы. Думала, что это сказались перегрузки, сильный эмоциональный всплеск и повышенное содержание адреналина в крови во время посадки.

– А у вас, у докторов, всегда так? – засмеялся Этьен, – Чуть что-сразу диагноз. Заболела голова –на тебе таблетку, не болит голова-значит что-то другое должно болеть. Ничего не болит-значит пора в морг.

Томоко засмеялась.

– Много смеешься, значит ты псих. Мало смеешься, значит у тебя депрессия, – продолжал Этьен, – вас докторов не поймешь. У вас вообще существует диагноз «Здоровый человек»?

– Томоко, – влез в разговор Ник, – когда в следующий раз, здоровый французский человек придет к тебе за таблеткой от головы, ты сразу посылай его в морг. Ах да. У нас же морга нет. Тогда ты его просто пошли. В направлении... – Ник остановился и засмеялся, –...в направлении некультурно-похабном.

– Так и сделаю, Ники, – ответила заливаясь от смеха Томоко, – Так и сделаю.

– Ковбой, вообще-то, ты должен быть за меня, – сказал посмеиваясь Этьен, – мы с тобой как будущие пациенты, должны держаться вместе. Неизвестно, каких диагнозов она нам с тобой наставит месяцев, так скажем, через шесть. А может она и раньше нас с ума сведет своими еженедельными медосмотрами. Ник, ты просто не представляешь себе, как она достала меня в космосе.

– Представляю, Этьен, представляю, – ответил американец и обратился к Томоко, – Вообще-то он прав. Меня тоже достали эти твои, как их там, голокардиограммы, голомардиограммы и-и-и, тому подобное. Простите доктор, если я что-то произнес неправильно.

– Первое название процедуры, ты произнес правильно, – ответила Томоко, – а вот второе, ц-ц-ц... – зацокала она, – я тебе потом объясню, как это слово нужно выговаривать, когда удвою, нет утрою, количество твоих посещений медпункта и в твоей личной картотеке наставлю таких диагнозов о которых ты даже и не подозревал, – Томоко, еле заметно хихикнула, а затем вдруг замолчала и задумавшись добавила, – ... Не-е, ребят, шутки шутками, но я после приземления чувствую... – она снова замолчала, подыскивая слово, чтобы правильно описать то, что она хочет сказать.

– Что? – не выдержав долгой паузы, спросила Катя.

– ...ощущение «Дежавю», – как бы очнувшись Томоко, – Мне кажется, что я здесь уже когда-то была. Может не я? Может другая я? Не знаю. Не пойму. Не могу пока разобраться, но я чувствую, что мы все уже здесь были. Давно. Очень давно.

– Кто мы? – спросил Этьен.

– Не знаю, – ответила та, – мне кажется...

– Надя. Стоп, – резко и неожиданно сказал Ник.

ЖДК остановился и стал похож на застывшего на месте, с чуть-чуть приподнятыми, передними лапами, насекомого.

– Правую, первую «ходулю» сдвинь немного назад, – скомандовал Ник, – Крупный, полукруглый валун.

– Поняла, – ответил в наушниках голос Нади.

Передняя балка слегка сдвинулась обратно и опустилась рядом с камнем.

– Все, можешь трогаться, – приказал Ник и ЖДК медленно зашагал по красной пустыне.

– И я тоже что-то чувствую, – вдруг сказала Катя удивившись сама себе, – Я не хотела об этом говорить. Я думала это личное. Но я должна об этом сказать. Внутри меня тоже что-то происходит. Это похоже на столкновение двух стихий, которые борются друг с другом. Как будто прошлое и настоящее ведут смертельную борьбу за существование во мне, и никто не хочет сдаваться. Мне кажется, что я сделала что-то не так и вот только сейчас начинаю это осознавать. В голову лезут всякие нехорошие мысли. Не спрашивайте меня какие. Я не хочу о них говорить. Я всячески пытаюсь их отогнать, а они лезут и лезут. А вместе с ними, в меня хочет проникнуть еще что-то, и это что-то несет в себе ужас и уныние, – Катя сделала паузу, – Это началось тогда, когда мы приземлились. Я почувствовала сильный страх и невыносимую тоску. Я никогда раньше такого не испытывала. Ну... Или почти никогда. Кто-нибудь чувствует что-то подобное?

– Я чувствую! – Ник обернулся, посмотрел на Катю и шутливо добавил, – Я чувствую, что с такими навигаторами как вы, мы никогда не доберемся до жилой зоны...

Катя скромно улыбнулась.

– ...Господа первопроходцы, – продолжил Ник, – давайте повнимательней следить за дорогой, которой нет, и перестанем обсуждать ужасы и уныния.

– Правильно ковбой, – в наушниках скафандров раздался голос Нади, – Нашли тему для разговора. Все эти ощущения, это адаптивная реакция организма на изменение внешней, хорошо усвоенной ранее, среды обитания. Наш организм попал в совершенно иные условия, абсолютно отличающиеся от прежних, и я думаю, что все эти не обычные, на первый взгляд, ощущения, в скором времени пройдут сами собой, после того как наше тело привыкнет к новому дому. Томоко я права?

– Да командир, – послышался утвердительный ответ, – я на это надеюсь.

– Это не ответ, Томоко, – сказала Надя, – Ты доктор. Надеяться должны на тебя, а ты обязана внушать людям уверенность.

– Я поняла. Я постараюсь.

– Не нужно стараться, Томоко, – звучал спокойный голос Нади, – просто делай хорошо то, что хорошо умеешь делать. А нам сейчас это, ой как нужно, – Надя выдержала паузу, – и это касается всех остальных.

– А у меня все тот странный гул из головы не выходит, – вмешалась Катя, – Ненормальный он какой-то. Необычный. И в тоже время жуткий. Есть в нем что-то пугающее, но не пойму, что. Вспомню, аж мурашки по коже бегут. Да ещё и это марсотрясение...

– Кэт, ты опять? Довольно, – остановила ее Надя, – Довольно, Кэт. Со временем мы во всем разберемся. Нам здесь и без этого проблем хватит на долгие месяцы, а то и годы. Поверь, когда-нибудь мы найдем причину этого шума, – голос в наушниках замолчал, а затем ободряюще продолжил, – Кажется я уже вижу жилую зону. Этьен, ты что-нибудь видишь?

– Нет, командир, – ответил тот, – Хотя, что-то непонятное вдалеке виднеется.

– Это зона, – сказала Надя, – Дальномер показывает, что до нее осталось всего 53 метра. Давайте поднажмем, ребята. Когда прибудем на место, надо будет отдохнуть. Я тоже что-то чувствую усталость. Поспим часа три, а может и больше. Потом, Томоко нас немного помучает своим обследованием, а затем начнем обживать. Все согласны?

– Да, командир, – раздалось в наушниках, – Да. Согласны.

ЖДК стоял возле полупрозрачного, почти незаметного купола. Только легкая, электромагнитная рябь, и иногда, еле слышимый, слабый треск, подсказывали о том, что впереди находится какой-то невидимый, непонятный барьер. Мелкая пыль, несомая ветром, натывалась и огибала этот полукруглый купол. А иногда она пробивалась сквозь него, поэтому, он то и дело искрил, и покрывался кривыми, сверкающими полосками, чем-то напоминающие молнии. Высота купола была примерно около десяти метров, а его круглую границу очерчивали невысокие, шестиугольники, находящиеся, на небольшом и одинаковом расстоянии друг от друга. Из этих черных, похожих на раскрытый зонт, устройств, был слышен еще более сильный треск, а если прислушаться, то можно было различить и монотонный гул, напоминающий работу включённого, электрического трансформатора. Рядом с «зонтами», внутри купола, стояли раскрытые паруса солнечных батарей, которые подпитывали их и уже успели покрыться не большим слоем красной пыли. Возле купола были навалены груды камней, вынесенных роботами наружу и аккуратно разложенных в виде небольших, неравномерных пирамидок.

Внутри купола царила работа. Два больших дрона, напоминающие марсоходы старого образца, ездили взад и вперед на своих крупных колесах, и железными клешнями, похожими на руки терминатора, что-то грузили на себя, перевозили с места на место, разгружали, ворочили, а затем снова грузили в небольшой кузов, расположенный чуть выше восьми колес, и снова куда-то везли. И это продолжалось постоянно, без отдыха и перекуров. Они, как заводные, суетились между нескольких, больших ящиков и все время что-то делали.

Справа, от длинного, полукруглого ряда железных ящиков и коробок, были поставлены каркасы трех теплиц, которые только осталось покрыть специальной пленкой. Рядом с теплицами находилось свободное место, заранее приготовленное для ЖДК. Со стороны все это напоминало необычный муравейник, в состав которого вошло всего лишь два крупных муравья.

Этьен стоял в метре от купола и наблюдал за хаотичным движением муравьев. Затем, обведя хозяйственным взглядом «муравейник», он удовлетворенно вздохнул и сказал: – «Дом. Милый дом». После этого, он протянул к электромагнитному щиту левую руку и добавил: «Мне это все напоминает старые фантастические фильмы, виденные мной в детстве, когда главный герой протягивает свою руку к чему-нибудь загадочному и инопланетному. А ведь тогда, когда я их смотрел, мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь и сам окажусь в похожей ситуации».

– Да-а-а. Жизнь непредсказуема, – отозвалась Надя.

– Это точно, командир, – подтвердил Лао, а затем обратился к Этьену, – Ну ты будешь входить? Или нет?

– Да подождите вы, – отмахнулся француз, – Дайте мне насладиться моментом. Помню ребенком, я представлял себе нечто подобное, и вот это происходит на самом деле.

Он закрыл глаза и его рука, стала медленно приближаться к защитному экрану.

– Этьен, пока ты там протягиваешь руку, мы здесь все протянем ноги, – засмеялся Ник, – Давай входи уже.

В наушниках раздался громкий смех.

– Да ну вас всех, – француз опустил руку и открыл глаза, – Все ржете и ржете. Никакой серьезности.

– Кто бы говорил, – сквозь смех сказала Катя.

– Во. Во. Кто бы говорил, – подтвердила Томоко, – Кто бы говорил.

Этьен еще раз обвел глазами купол, слегка нагнувшись, отряхиваясь от осевшей на него пыли и шагнул во внутрь. Вокруг него сразу появились электрические молнии и раздался слабый, потрескивающий звук. Потом, за ним, медленно шагая, аккуратно вошел ЖДК, с все так же идущими с боку Томоко, Ником и Катей.

Через 15 минут ЖДК уже находился на уготованном ему месте. Его дно стояло на шестнадцати твердых пружинах, две из которых были немного свернуты в сторону, а по бокам, для улучшения стойкости конструкции, были раскинуты «ходули», балки которых, твердо упирались в поверхность Марса.

Роботы, не обратив внимания на изменения в «муравейнике», все так же продолжали трудиться, как ни в чем не бывало. Закончив ковыряться в одних коробках, они смело приступали к другим, абсолютно не замечая то, что происходит вокруг.

Еще через 15 минут, ребята принимали свой первый, инопланетный душ и готовились к первому отдыху, находясь в дали от родного дома под названием: «планета Земля».

Катя сидела в отсеке связи и печатала на голоклаве текст сообщения, который после одобрения Нади, необходимо было отослать на Землю. Дверь-жалюзи была задернута. Сверху, из колонок, еле слышно играла легкая, классическая музыка.

В соседних кубриках спали ребята, поэтому Катя вела себя максимально осторожно, чтобы ненароком не нарушить ласковую тишину, окутавшую собой все пространство ЖДК. Она, то и дело, останавливалась и задумавшись тарачилась в небольшой круглый иллюминатор, находившийся справа от нее.

Снаружи медленно вечерело и чувствовалось, как мгла уверенно накрывала ржавую планету, а холодная ночь, постепенно отвоёвывала территорию за территорией у последних, цепляющихся за свою жизнь, солнечных лучей.

– Несколько часиков, – улыбнулась Катя, уставившись в иллюминатор, – Как минимум уже пятый час спят. Лентяи. Да и пускай, – подумала она, – Завтра начнем заниматься делами. Сразу с утра и начнем. А сейчас пусть отдыхают.

Катя продолжала смотреть в иллюминатор, и тут внезапно на нее нахлынула грусть. Она снова вспомнила Землю, свое детство, юность и ей так сильно захотелось заплакать. Нет, не просто заплакать, а завывать и зареветь, как режут и воют раненые, попавшие в силки звери. Ей захотелось встать и громко, что есть силы заорать, и пусть все проснутся. Неважно. Главное, чтобы ей было хорошо, а остальные... Да плевать на них. Какое мне дело до них. Да пошли они... Пусть они все сдохнут...

Вдруг, Кате стало страшно и что-то ужасное, тревожное стало наполнять ее душу. «Господи, что я несу», – подумала она, – «Что за мысли», – она потерла руками глаза, – «Господи помоги... Это все перегрузки. Это должны быть перегрузки. Может я схожу с ума. Нет. Надя права. Все это скоро пройдет...»

Внезапно распахнулись жалюзи и в проеме показался Ник. Он посмотрел на Катю, улыбнулся, потом, как шпион покрутил головой по сторонам, и убедившись в том, что он никем не замечен, осторожно проскользнул в радио-кубрик.

Увидев его, Катя слегка вздрогнула от неожиданности.

– Тс-с-с, – Ник прислонил указательный палец к губам, – Это всего лишь я, – затем он захлопнул за собой «шторку», и повернувшись тихо спросил, – Ты что не спишь?

– Да... Да я уже выспалась, – заикнувшись ответила Катя, – Хватит с меня. А ты что не спишь?

– А вот тебя ищу, – в глазах Ника сверкнула странноватая искорка, – Заглянул в ваш отсек, а тебя там нет и тут слышу, музыка играет. Дай, думаю, зайду. И вот она, ты.

Он нагнулся и попытался поцеловать Катю. Та осторожно отпрянула назад.

– В чем дело Кэт? – Ник внимательно посмотрел на Катю, – Думаешь нас услышат. Не беспокойся. Они спят как убитые. В отсеках такой храп стоит, – Ник улыбнулся, – Ты не поверишь.

Он еще раз попытался поцеловать Катю, но та снова увильнула от его губ и отвернулась в сторону.

– Да что случилось, Кэт? – лицо Ника стало серьезным.

Катя повернулась. Из ее глаз бежали слезы.

– Помнишь? – сказала она шепотом и посмотрела Нику в глаза, – Помнишь, как ты там на Земле признался мне в любви? – Катя еле заметно улыбнулась и опустила глаза, – Как мы скрывали свои отношения и нам казалось, что никто о нас не знает? Помнишь, как ребята догадавшись, дразнили нас и говорили, чтобы мы перестали скрываться, а мы их не слушали?

– Помню, – Ник улыбнулся в ответ и большим пальцем, нежно вытер слезу с Катиной щеки.

– Помнишь, – продолжала Катя, – что мы обещали друг другу не лгать. Никогда не лгать.

– Помню, Кэт. Я все помню.

– Ник, – Катя посмотрела ему в глаза, – Я солгала тебе. Я солгала себе. Я вам всем солгала. Мой скелет из шкафа, по сравнению со скелетом Томоко, это все равно, что гора Фудзияма и дерево сакуры. Я не должна была лететь.

– Что ты несешь, Кэт?

– Мои данные. Моя биография. Все ложь. Почти все. Я соврала, когда записывалась в «колонию Марс-1». Да никто особо тщательно и не проверял. А теперь прошлое воздействует на меня. Эта грязь от которой я не смогу никогда отмыться, – Катя опустила глаза, – и здесь достала меня. Прошлое влияет на меня. Оно гнетет меня. Внутри, в моей душе что-то происходит, Ник. Что-то не хорошее. Я чувствую.

– Так, успокойся, – Ник пододвинул соседний стул, сел на него, взял Катю за плечи и посмотрел ей в глаза, – Рассказывай.

– Мое детство, – Катя посмотрела на Ника, – если так можно выразиться, было не совсем нормальным, или как это еще можно назвать, трудным. И мне больно об этом вспоминать, Ник. Я не хочу об этом вспоминать, но я должна выговориться. Я должна хоть кому-нибудь об этом рассказать. Пусть лучше это будешь ты... Это должен быть ты... А не Томоко.

– Говори все. Не бойся.

– Мои родители, – Катя слегка покраснела, – много пили, особенно отец. По-русски это произносится, как «алкаш» или «пьяница». Мы жили скромно. Отец и мать, между пьянками работали. Хотя их часто из-за прогулов увольняли, они снова каким-то чудом находили себе способ заработать. В общем, деньги были, но основная часть уходила на спиртное. Были дни, недели и даже месяцы, когда я видела родителей трезвыми. Для меня, маленькой девочки, эти короткие обрывки времени, были наполнены счастьем, и это счастье так быстро проходило, а на смену ему вновь наступали дни, наполненные пьяным угаром. Шло время. Отец постепенно престал ходить на работу и начал пить еще больше, чем пил до этого, а на упреки матери

сильно злился. Нет, он ее не бил, но он медленно тащил ее за собой на дно, а я, слабое, беззащитное существо, не в силах что-либо сделать, наблюдала за всем этим со стороны. Со временем, мать тоже перестала ходить на работу и начались беспросветные пьянки и скандалы. На что они пили, я до сих пор не понимаю, потому что все годное, что можно было вынести из квартиры и продать, было уже пропито. Я все это помню, Ник. Я все это хорошо помню, хотя много раз пыталась забыть. Это был настоящий ад. Ад для девочки, которой недавно исполнилось всего лишь восемь лет, – Катя заплакала.

Ник обнял ее и прижал к себе: «Поплачь. Поплачь. Помнишь, как нас учили не сдерживать эмоции в себе?»

– Помню, – ответила Катя, – помню.

– Вот и хорошо, – Ник слегка отодвинул от себя Катю и посмотрел ей в глаза, – Так что давай не стесняйся и знай, что бы ты не сказала, я все равно буду любить тебя.

Катя чуть-чуть улыбнулась, но через мгновение, еле заметное просветление радости, сменилось грустной гримасой. Она слегка вздохнула и продолжила: – «Чтобы не видеть пьяные лица родителей и дружков алкашей, которые нередко стали к нам захаживать, я убегала из дома, скиталась по улицам и ночевала где придется. А иногда... – Катя остановилась и ее лицо озарилось добротой, идущей откуда-то из глубин ее памяти, –... Иногда меня пускали к себе соседи. Мир не без добрых людей. Помню пожилую пару, квартира которых находилась напротив нашей. У которых, бывало, я жила неделями. Дети у них были взрослые и проживали отдельно, и я для них стала почти как родная. Тогда я впервые поняла, что есть другая жизнь. Есть другие люди. Есть другие семьи. И есть хорошие родители. Трезвые...»

Катя улыбнулась, а ее отсутствующий взгляд был направлен куда-то внутрь себя, и перед ее взором стояла та самая пожилая пара, доброта которой, навечно отпечаталась в бескрайних закоулках Катиной памяти.

«...Помню те дни... – тихий голос Кати иногда подрагивал, – ...когда мне не хотелось возвращается домой из школы, зная, что там идет очередная пьянка, а хотелось идти куда-нибудь, куда угодно, лишь бы не видеть нетрезвые лица родителей и не слышать их крики, и я подходила к двери квартиры напротив, и молча стояла и надеялась, что вот-вот откроется дверь. И она открывалась. Она всегда открывалась, – Катя снова еле заметно улыбнулась, а по ее щекам бежали слезы, – Николай Иванович и Ирина Петровна знали, когда я возвращалась из школы и уже ждали меня. Можно сказать, встречали. Встречали как родную дочь, – улыбка Кати засияла еще сильнее и немного помолчав, она продолжила, – Те недолгие, тихие вечера, казались мне самыми счастливыми, самыми светлыми мгновениями жизни, какие только могут быть на свете, и в моем, детском воображении, мне чудилось, что я как будто оказывалась в сказке. В доброй волшебной сказке. С хорошим концом. Как в одной из тех, которые рассказывала мне тетя Ира перед сном. И мне так нравились все эти сказки, все эти истории, что я однажды спросила ее: «Откуда она знает столько сказок?», на что она ответила: «Утром узнаешь», и на следующий день, тетя Ира показала мне библиотеку Николая Ивановича, – Катя посмотрела в глаза Нику, – У дяди Коли была огромная библиотека. Ник ты просто представить себе не можешь, сколько там было книг, и Николай Иванович с удовольствием ими со мной делился, и именно он объяснил мне, что читать полезно, и не просто полезно, а нужно. Он по профессии был каким-то ученым, не помню, но что-то связанное с изучением мозга. Да это и не так важно. В общем, дядя Коля разъяснил мне тогда, как ребенку...», – Катя улыбнулась, посмотрела на пол, а затем, взглянула на Ника и продолжила, – ...хотя я его тогда не совсем поняла, но теперь понимаю, ох как понимаю. Так вот, он объяснил мне, что такое мозг, и как на него влияет чтение...»

– Ну ка, ну ка. С этого момента поподробней, – сказал Ник, стараясь придать своему голосу привкус шутки, – Я тоже немало прочитал книг и мне интересно, что думает на этот счет русская наука.

– ... Наш мозг, – начала Катя и ее глаза наполнились необъяснимым светом, – это биокомпьютер и как любой компьютер его можно прокачать, улучшить, усовершенствовать. Но как это сделать? Хирургическим путем? Вшить в мозг нано чип, который сделает человека умнее? Можно. И сейчас этим на Земле уже занимаются. Но есть другой способ. Естественный. Нормальный. Безопасный. С появлением компьютеров и интернета о нем стали забывать, а сейчас, в век высоких технологий, и вовсе позабыли. И этот способ чтение. Как спортсмен накачивает мышцы, так и чтение может прокачивать мозг.

У нас в России очень давно была поговорка: «Книга лучший подарок», и это истина, книга действительно лучший подарок. Мне это объяснил Николай Иванович, и спустя много лет, я вспоминаю его слова и понимаю, как он был прав. Исследования, в которых почувствовал дядя Коля, показали: что частое чтение книг повышает скорость прохождения электрических сигналов по коре головного мозга, а это значит, что много читающий человек увеличивает скорость обработки информации своим биокомпьютером, а если говорить проще-у человека ускоряется соображалка; также, чтение книг увеличивает количество нейронных связей, что качественно влияет на нашу память, то есть, объём жесткого диска, находящийся в нашем мозгу, становится больше и пределов этому объёму памяти не обнаружено; и наконец, главное открытие, на которое Николай Иванович сделал особое ударение-чтение книг гармонизирует работу обеих полушарий головного мозга, – Катя ненадолго задумалась, пытаясь подобрать слова, – Наш мозг разделен надвое и каждая его половина выполняет свою функцию в мышлении человека. Правое полушарие отвечает за образное мышление-картинки, которые мы видим у себя в голове. Левое полушарие отвечает за внутренний диалог-голос в нашей голове, который никогда не утихает и дает оценку происходящему. Правое полушарие- это интуиция. Левое полушарие-это логика. Так вот у человека работа мозга разбалансирована, как и у животного. Одна половина полушария доминирует над другой. У одних людей – это правое полушарие, и тогда они мыслят чувствами, а то что чувствуют объяснить не могут. Вернее, не успевают. Логика отстает. Такие индивидуумы сначала делают, потом думают. И иногда, в порыве страсти, они совершают очень страшные вещи, о которых потом горько сожалеют. Потом. Когда правое полушарие успокаивается... У других людей доминирует левое полушарие. Эти субъекты эмоционально голодные. Им не хватает чувств. Обычно таких людей называют «холодными» или жестокими. Часто они занимаются экстремальными видами спорта, ну, или что-то в этом духе. Так вот, книги заставляют работать оба полушария как одно целое. Чтение, как будто прокладывает между двумя половинками мозга невидимый мост, объединяет их в один мощный биокомпьютер и заставляет работать как единый слаженный механизм. И нет никакого доминирования, как будто никогда и не было. У русских существует такое понятие: «Быть с царем в голове». Николай Иванович именно такую работу мозга и называл «С царем в голове». И он всегда это подчеркивал. Я тогда всего этого не понимала, – Катя улыбнулась, –А сейчас я вспоминаю его слова и думаю: «Как он был прав» ... А еще, дядя Коля говорил, что по результатам исследования, так на мозг человека воздействует только чтение. Не аудиокниги, не кинофильмы к которым мы все так привыкли, а именно чтение. Он объяснил мне, что когда наши глаза бегают по строчкам книги и считывают информацию, зашифрованную в виде символов, то работает наше левое полушарие. Затем, эта информация автоматически поступает в правое полушарие, и образуются картинки внутри нас, и мы смотрим их как кино. Таким образом, одновременно и слаженно работают сразу два полушария, и при этом каждое выполняет свою, предназначенную ей природой, функцию. При прослушивании аудиокниг и просмотре кинофильмов этого не происходит. Когда человек слушает аудиокнигу, у него напрягается только одно полушарие, правое, а при просмотре фильма-не происходит даже этого. Я уже молчу о компьютерных играх. Также, Николай Иванович говорил, что кому-то выгодно чтобы люди не читали, что кто-то хочет, чтобы люди оставались животными. Он очень сильно переживал по этому поводу и даже грозился куда-то в пустоту, а я смотрела

на него и не понимала кому он машет кулаком. Один раз он мне даже намекнул, что результаты исследования были кем-то специально скрыты и широкой огласки не получили, и он всячески старался хоть как-то это исправить и возможно, видел во мне единственную надежду передать свои знания и хоть как-то попытаться изменить этот мир к лучшему. Он стал прививать мне любовь к книгам. И у него получилось. Именно благодаря ему я начала читать. Именно благодаря ему и книгам я научилась мечтать. Именно в то время я полюбила книги, и книги стали для меня тем самым лучом надежды в темном царстве хаоса... – Катина лицо снова посерело, а от улыбки не осталось и следа, -...А хаос... Хаос продолжался. Ад, для восьмилетней девочки не закончился, он только начинался. Пьянки родителей становились все бурнее и бурнее, а скандалы, практически никогда не прекращались. Отец начал потихоньку бить мать. Он возненавидел ее еще сильнее, чем раньше. Да и она его не особо любила. Дело стало доходить до драк. Драк в пьяном угаре... – Катя немного помолчала, а затем, трясущимся голосом, продолжила, -...Зачем жизнь дает ребенку такие испытания? Я не знаю. Никто не знает. Но жизнь иногда бьет так сильно, и она не смотрит на возраст. Однажды, в один из таких пьяных скандалов, мой отец выбросил мою мать в окно, а потом выбросился сам. Но самое страшное, я все это видела своими глазами. Я стояла и смотрела, и не могла, и не пыталась ничего сделать, – Катя закрыла глаза, а ее голос задрожал еще сильнее, -Был обычный, летний вечер и была обычная домашняя попойка, к которым я уже так давно привыкла. Я сидела в своей комнате и читала. Окна везде были открыты, потому, что духота стояла страшная и свежий прохладный ветерок, хоть как-то охлаждал и проветривал, наполненную табачным дымом, квартиру. Сначала все было спокойно, но потом, с кухни стали раздаваться крики и маты, к которым я тоже привыкла, и поэтому перестала обращать на них внимание. Через несколько минут послышался страшный крик матери. Я испугалась, выбежала из своей комнаты и увидела, как отец душил мою мать на кухонном столе, а затем, немного приподняв, толкнул ее в открытое окно. Потом он повернулся и посмотрел на меня. Я видела его глаза. Я видела его выражение лица. Это был другой человек. Вернее, это был не человек. Это было что-то другое. Он стоял, смотрел на меня, как удав на кролика, и глубоко дышал, а я, как парализованный кролик не могла пошевелиться, и даже крикнуть. Отец, несколько секунд, молча таращился на меня, а затем он проревел: «Чтоб вы все сдохли». Потом он направился ко мне, но ударился о табуретку... И вдруг, с ним что-то случилось. Его взгляд изменился. Стал человеческим. Какая-то человеческая черта промелькнула в нем. Я смутно помню, но мне кажется это была жалость. Жалость ко мне. Отец как будто очнулся, быстро развернулся, подбежал к окну и бросился в след за матерью, а я стояла и смотрела, как кролик. Как парализованный кролик.

Катя открыла заплаканные глаза.

Ник пытался что-то сказать, но ее ладонь прикрыла ему рот.

– Не перебивай, – тихо сказала Катя, – я еще не закончила. Жили мы на восьмом этаже. Мать погибла сразу. Отца чудом спасли. Он еще долго лежал в больнице весь переломанный и ничего из прошедшего не помнил. Полиции я соврала. Сказала, что был несчастный случай. Конечно мне не поверили, но уголовного дела заводить не стали. А меня... Меня на время приютили Николай Иванович и Ирина Петровна. Именно они похоронили мою мать и написали письмо моей бабушке. Бабушке, которая жила от нас очень далеко и которую, я совсем не помнила. Моя милая бабушка. Я ей до сих пор за все благодарна. Она удочерила меня, когда отца лишили родительских прав, увезла к себе в деревню и воспитывала с той любовью и нежностью, которая присуща только пожилым людям. Как говорится: «Все что не делается, все к лучшему». Ад закончился. Ад родительских пьянок завершился. Ники... -Катя бросила взгляд на Ника, внимательно всматриваясь то в один глаз, то в другой, -...Ники, никто не знает правды, кроме тебя. Слышишь. Я никому об этом не рассказывала. Даже бабушке. Хотя должна была рассказать. Рассказать там на Земле, психологам. Рассказать вам. Но я все это скрыла, Ник. Я осознано подвергла всех вас опасности. Я осознано подвергла опасности всю миссию.

Хотя нас предупреждали, что любой скрытый, негативный, даже незначительный факт из прошлой жизни, может сказаться на психологическом состоянии человека и повлиять на дальнейшую судьбу всех колонистов. А я утаила. Я виновата, Ник. Я очень виновата. Прости. Я просто хотела все забыть. Я думала, что забыла. Но здесь, на Марсе, я кажется стала понимать, что истинная причина, из-за которой я записалась в «колонию Марс-1» -это бегство от себя. Бегство от прошлого. Бегство от своих воспоминаний и желание все забыть. Ведь я хотела забыть. Очень сильно хотела. И думала, что у меня получалось. Пока... Пока мы не приземлились на Марс. Эта планета как-то влияет на меня. Со мной что-то происходит, Ник. У меня нехорошее предчувствие и мне страшно. Я боюсь, Ник. Я боюсь за тебя. За всех нас. Мы зря сюда прилетели. Это гиблое место. Это нехорошее место. Я не знаю, как, но я просто это чувствую. И я иногда молюсь. Молюсь, чтобы все было хорошо. Меня бабушка научила. Но мне страшно, Ник. Страшно. И бывают моменты, когда я снова чувствую себя кроликом. Парализованным кроликом.

Катя замолчала. Ее глаза смотрели на Ника, в ожидании его реакции на услышанное.

Ник аккуратно вытер рукой остатки слез с Катиного лица, а затем нежно поцеловал ее в губы.

– Че-то ты совсем расклеилась, -нежно сказал он, посмотрев ей в глаза, – Ноешь как... Как это по-русски? Как ба-бья, кажется. Нет. Подожди. Не подсказывай. Как... – Ник ненадолго задумался, а затем, ломаным русско-английским языком, выговорил слово «баба», а ударение в этом слове, поставил на последнюю букву «а», – ...как баба. Да. Точно. Вспомнил. Как баба.

Катя тихонько улыбнулась и так же с ошибкой сказала: «Я и есть баба».

– Нет. Ты не просто баба, – Ник улыбнулся в ответ, – Ты русская баба, – и он повысил голос на слове «русская», – Помнишь, как ваш поэт писал: «Коня на скаку остановит, в горящую... Как это по-русски?»

– Избу, – правильным русским произношением ответила Катя, – По-английски это «Хаус», «Коттедж», «Хут».

– В горящую избу войдет, – продолжил Ник, коверкая неправильным произношением, слово «изба».

– Я не такая, – Катя опустила глаза, – Совсем не такая.

– Такая! – твердо сказал Ник, – Поверь мне, именно такая. Веселая, сильная баба.

И снова последнее слово он с произнес ошибкой.

Катя негромко засмеялась.

– Вот. Уже лучше, – спокойно сказал Ник, увидев улыбку Кати, – Вот теперь ты похожа на настоящую русскую бабу.

– Ты просто делаешь то, чему нас учили. Психолог хренов, – Катя внимательно посмотрела на Ника, и недавняя улыбка сползла с ее губ, – Ты хочешь проблему перевести в шутку. Ты хочешь, чтобы я увидела в своей проблеме светлые стороны. Но их нет, Ник. Эту проблему нельзя решить посмеявшись над ней. Эта ни та ситуация. Да, нас учили общается с юмором и как можно больше смеяться. Да. Нас учили шутить по поводу и без повода. Это разряжает обстановку, снимет стресс и так далее. Но повторяю-это другая ситуация и время шуток кончилось. Я серьезно, Ник. У меня проблемы. Я зря сюда прилетела. Я недолжна была этого делать. Мне кажется я схожу с ума...

– Послушай, Кэт, – Ник приблизил свое лицо к лицу Кати так, что та ощутила теплоту его дыхания на своей коже, – То, что было в прошлом, осталось в прошлом. То, что ты мне рассказала, ничего не значит ни для тебя, ни для меня, ни для кого бы то ни было в колонии, да и вообще во вселенной. Все это осталось позади. Далеко позади, – Ник посмотрел в иллюминатор, за которым тьма поглотила ржавую поверхность Марса, – Все это осталось там на Земле, – он перевел взгляд на Катю, – И ты теперь другой человек. Не та маленькая девочка. Не тот беззащитный кролик. А баба... – Ник улыбнулся, снова не правильно ставя ударение, -...Рус-

ская, сильная баба. Первая в России баба, совершившая полет на Марс. А это, поверь мне, чего-то стоит. Ты сильный человек, Кэт. И ты возьмешь себя в руки. Как и раньше. На Земле. Вспомни, ты мне рассказывала, как над тобой посмеивались. Как никто не верил, что ты полетишь на Марс. Как тебя одолевали сомнения и страхи. Как ты сильно переживала и плакала ночами. Но ты не сдавалась и шла к своей цели. И вот ты здесь. И ты еще будешь говорить, что ты слабая. Нет, ты не слабая. Ты сильная. Ты добрая. Ты веселая. И всегда была такой. И именно такую Кэт я увидел впервые на подготовительных курсах пилотов, и именно в такую Кэт я и влюбился, – Ник снова поцеловал Катю, – Поверь мне, я знаю какая ты на самом деле. Я знаю тебя лучше, чем ты знаешь себя. Ты справишься, Кэт. Мы справимся. Я за тобой при-
смотрю. Как всегда... Ну же улыбнись.

Катя скромно улыбнулась, обняла Ника, а затем поцеловала в щеку.

– Обещаешь, что присмотришь за мной? – тихо спросила она.

– Обещаю, – шёпотом ответил Ник, – Обещаю... Куда я денусь, – он осторожно отодвинул Катю и нежно посмотрел ей в глаза, – Обещаю. Ведь я люблю тебя.

Глава 5

Безоблачное, черно небо было сплошь утыкано яркими, переливающимися разными цветами, звездами. Если приглядеться, то кое где, можно было бы различить и легкую туманность, кем-то и когда-то названую: млечный путь. Не было ни малейшего ветерка, ни малейшего намека на него, и духота наступившей ночи, как будто душила. Душила своей, накалившейся за день, тишиной и безграничной пустотой, которая полностью окутала собой не только Дороховский аэродром, но и то, что было за его пределами. Казалось, будто природа выкипела, как выкипает забытый на газовой плите чайник. Замерла в ожидании прохлады. Затаилась. Затаилось все. И даже сверчки.

Тусклые огни фонарей слабо освещали заасфальтированную дорожку, по которой неторопливо шли Шалыгин, с инструктировавшим его, Ступиным. Они были одеты в гражданскую одежду, чтобы ненароком не засветить своим внешним видом, сверхсекретный, военный объект. Вокруг них чернели, освещённые редкими прожекторами, останки военных самолетов, давно заброшенных и покрытых ржавчиной, но все также стойко продолжавших служить своей Родине, и служба эта заключалась в том, что они всем своим жалким видом показывали, что аэродром совершенно забыт, и что здесь нет ничего интересного. Но интересного было много. Там под землей. А сверху... А сверху все выглядело совсем иначе: несколько якобы заброшенных ангаров; авиометаллолом, аккуратно расставленный по всему аэродрому; и несколько человек охраны, с виду напоминающих толи алкашей, случайно устроившихся на работу, толи бомжей, нашедших себе недолгое пристанище в этом закутке, окруженном, со всех сторон забором с колючей проволокой. Никому постороннему и в голову не могло прийти, что все это охраняется самой лучшей современной аппаратурой и отлично подготовленными, к любым неожиданностям, спецами.

Шалыгин шагал легко, не обращая внимания на аномально-теплую погоду. Именно так, как-то выразилась Анжела, подчеркивая слово «аномальная». Его разноцветная футболка с короткими рукавами и надписью: «Супер папа», казалось, не впитала в себя ни капли пота, и с виду была совершенно сухая. Белая, с зелено-красными пальмами, рубашка Ступина, наоборот, была влажная и прилипнув, в некоторых местах, к грузному телу Станислава Павловича, показывала, что у него есть живот. Точнее сказать не живот, а пузо и совсем не маленькое. Таким образом, эта потная рубашка, искажала атлетически-богатырский вид зам начальника западного военного округа.

Они медленно приближались к кирпичному, одноэтажному зданию, с виду, давно не ремонтировавшемуся и напоминающему, заброшенный сарай или сторожку, с одной единственной, металлической дверью с торца.

– ...Покружись над аэродромом. Выполнишь несколько фигур пилотажа. Оценишь состояние самолета. Оценишь свое состояние в среде эфира. И докладывай. Обязательно докладывай обо всем. В общем, не мне тебя учить, Сергей, – говорил спокойным тоном Станислав Павлович, изредка вытирая ладонью пот со лба, – Следи за своим самочувствием. В случае чего, все отменяется, – Ступин поднес кулак к своему рту и произвел два раза звук «г-х-м-м-м», напоминающий кашель, – Типун мне на язык... И никаких, но. Ты меня понял, Серега? Никаких, но.

Станислав Павлович властным взглядом посмотрел на Шалыгина. Сергей уловил намек и мягким голосом подчинённого, ответил: «Так точно. Есть отменить испытания.»

– ...Связь будем держать на секретной Альфа-частоте, – продолжал Ступин, – Стелскамуфляж не позволит обнаружить тебя ни с Земли, ни со спутника. Никто, даже мы не будем знать где ты находишься, – Ступин снова посмотрел на Шалыгина, – Поэтому, Серега, повторяю, ты должен постоянно докладывать. Где ты. Что ты. И как ты.

– Так точно, – также мягко сказал Шалыгин и улыбнулся нагловатой улыбкой.

– Ну, значит с этим понятно, – сказал Станислав Павлович после недолгой паузы, – Идем дальше. После первой стадии испытаний перейдешь ко второй: поднимешься на высоту 30 км, и набрав скорость 50 тысяч к/ч, долетишь до Камчатки. Проверишь, на что способна эта птичка.

– О те на, – удивился Сергей и все с той же наглой улыбкой спросил, – А если меня всё-таки обнаружат? Свои ПВО обнаружат? Что мне тогда делать? Собыют еще ненароком.

– Вот заодно и проверим хваленый стелс режим. Если обнаружат свои, значит обнаружат и чужие, – спокойно ответил Ступин и загадочно улыбнулся, – А это, брат ты мой, провал всей операции. Значит, отлетался ты. Значит, триндец тебе.

– Вот, Палыч, ты сейчас шутишь или на полном серьезе говоришь? – спросил Шалыгин и лицо его приняло вопрошающий вид.

– Что испугался? Неужели у тебя жилки по всему телу затряслись? – засмеялся Ступин, – Да ты не бойся. Если тебя засекут ПВО, они будут делать запрос на разрешение атаки, а разрешения им никто, соответственно, не даст. Наверху все согласованно. Просто будут следить за тобой. Да и птичка у тебя будет, скажем так, не совсем обычная. Скорость, манёвренность. Ну, ты сам понимаешь. Я думаю, что там на Земле, очень сильно удивятся, оценив летные характеристики неопознанного объекта. А мы потом все спишем на НЛО. В последнее время ракетчики частенько наблюдают всякую всячину. Так что, тебя скорее всего, примут за пришельца и возможно даже, когда-нибудь я статью в газете про тебя прочитаю. Летал, дескать, неизвестный аппарат с зеленым человечком...

– Смотрите, некролог не прочитайте, господин генерал майор, – осклабился Шалыгин.

– Типун тебе на язык, – кашлянул Ступин, – накаркай мне еще. Ворона... Так. Ладно, хватит. Посмеялись и будет. Далее, развернёшься, разгонишься и уйдешь в глубь России. Затем, достигнув территории Сибири, поднимешься на высоту 600 км и зависнешь на орбите Земли...

Глаза Сергея сверкали какой-то детской, понятной только ему, радостью. Он молча слушал Ступина и странновато улыбался, изредка погружаясь в свои мысли, но при этом стараясь не упустить смысл слов, сказанных Станиславом Павловичем.

– ...После этого, приступишь к третьей фазе испытаний: «Имитация аварийного выхода в открытый космос.» – Ступин загадочно посмотрел на Шалыгина, как будто чего-то ждал от него, – Покинешь «Сапсан», побудешь в космосе около пяти минут и вернёшься обратно в кабину пилота. И главное не забудь, что отдаляться от самолета далеко нельзя. Иначе тебя засекут радары. Излучение стелс поля, распространяется от штурмовика, всего лишь на расстояние не более трех с половиной метров. Так что учти, перейдешь границу, подвергнешь риску всю операцию.

– Стас, спасибо тебе, – вдруг сказал Сергей.

– За что? – спросил Ступин, пытаясь скрыть смущение и делая вид, что не ожидал благодарности.

– А то ты не знаешь за что? – ответил Шалыгин, – Ведь ты, старый хрен, знал, что мне предстоит покинуть пределы Земли да еще и выйти в открытый космос. Знал. Почему же раньше не сказал?

– Ну, во-первых, не совсем старый, а во-вторых, не совсем хрен, – улыбался Ступин, – и в-третьих, это была секретная информация. А ты знаешь, что бывает...

– Спасибо тебе, Стас, – снова повторил Шалыгин.

– Ну все хватит, а то я сейчас расплачусь, – хмыкнул Ступин, – Потом сочтемся, когда вернешься. Помнишь, ты по телефону обещал проставиться? Так что не забывай. С тебя бутылочка коньяка.

– Так точно. Самый дорогой возьму, – сказал Сергей.

– Ты уж не пожадничай. Подороже, да получше выбери, – Станислав Павлович сделал серьезное лицо, – Ну все... А теперь продолжим. После третьей стадии испытаний, приступишь к завершающей: уничтожение потенциального противника экспериментальной ракетой. Координаты цели получишь перед самым запуском «Карандаша». Мишень будет находится в Сибири, на давно заброшенной и забытой Богом, территории. Когда-то там была тайга, а сейчас, что-то вроде пустоши. Несколько лет назад, там находилась лесосека. Все повырубали на несколько километров и теперь там голая пустыня. Не бережем мы достояние России. Не бережём.

– Ракета боевая? – спросил Шалыгин.

– Нет, – Ступин взглянул на Сергея, – Заряда не будет. Просто болванка. Но по предварительным расчетам, удар будет сильным. Поэтому придумана легенда о падении метеорита. В общем, Серега, твоя задача уничтожить цель и быстро скрыться с места преступления.

– Хорошо сказано, Станислав Павлович. Вы похоронили в себе талант криминального элемента. А вот скажите мне, уважаемый генерал майор, вы осколки метеорита тоже раскидаете вокруг воронки? Ведь люди кинутся за ними. Это факт. И это исторически доказано.

– Ты не волнуйся, – спокойно сказал Ступин, – Все под контролем. Группа зачистки находится в режиме ожидания. Они и камушки раскидают, и останки «Карандашика» подберут. Это уже не твоя забота. Ты лучше об испытании думай, – Станислав Павлович вдруг остановился и достал, из нагрудного кармана рубашки, платок, – Серега, подожди. Давай передохнем. Что-то жарко сегодня.

– Да уж, в последнее время лето нас просто радует, – Шалыгин посмотрел на Ступина, – Слишком сильно радует, – затем он улыбнулся и добавил, – А может дело не в погоде, а в тебе? Вот ты мне скажи, Стас, когда ты последний раз отдыхал? Я имею в виду, когда ты последний раз был на природе? – Сергей задумался, – Ну, скажем, в походе? Когда последний раз ножками по траве ходил? А-а-а? – Шалыгин улыбнулся еще сильнее и на его лице появилась легкая издевка, – Ах. Да. Я совсем забыл: вас генералов и в походы на машинах возят.

– Да пошёл ты, – Ступин махнул рукой, как будто хотел отогнать от себя назойливую муху, затем вытер платком капельки пота со лба, – Может должность у меня такая. Ходить в походы сидя.

– Вот. Вот. И я про тоже, – Сергей засмеялся, – А в булочную ты тоже на такси едешь?

– Надо будет и в булочную отвезут, – Станислав Павлович улыбнулся в ответ, но его улыбка больше напоминала оскал, – А надо будет...

– Ладно. Ладно. Я понял твою мысль, – смеялся Сергей, – Ты не обижайся на меня, старче. Я же тебе добра желаю. По-дружески желаю, – Шалыгин вдруг перестал смеяться и поманил Ступина к себе рукой, – Пойдем я тебе что-то покажу.

– Что ты мне можешь показать? – ссорказничал Станислав Павлович.

– Пошли. Увидишь, – Шалыгин сошёл с асфальтированной дорожки, подошёл к фонарным столбам, и шагнув за периметр освещения фонарей, исчез во тьме.

– Серега? Ты не забыл зачем мы здесь? Ну куда ты пошёл? – кричал Ступин в бескрайнюю мглу, – Сергей?

Но ответа не последовало.

– Дождешься ты у меня, супер папа. Ей Богу дождешься, – тихо сказал Станислав Павлович и немного помешкавшись отправился за Шалыгиным.

Пройдя несколько шагов почти наощупь, Ступин остановился. Перед ним стояла, черная, плохо различимая в темноте, фигура Шалыгина. Сергей просто стоял и завороченно смотрел куда-то вверх.

– Ну, и-и-и? Что я должен увидеть? – спросил Ступин и тоже задрал голову, – Где твое хваленное чудо?

– А вот оно, – тихо ответил Сергей не опуская головы, – Прямо перед тобой.

Ступин стал вглядываться в звездное небо, даже пытался прислушаться к чему-то, сам не зная к чему, но так и не обнаружив ничего сверхъестественного, вопросительно посмотрел на Шалыгина.

– Сколько себя помню, Стас, – Шалыгин, почувствовал на себе взгляд Ступина, – я все время смотрел на небо. Мне иногда кажется, что я родился с поднятой головой. Помню в детстве, пацаном, я часами мог наблюдать за ночным небом. Я целую ночь мог смотреть на звезды, не отрываясь. И это единственное, что меня привлекало. Это единственное, что по-настоящему меня успокаивало. Меня как будто тянуло в ночное, звездное небо, и я ощущал странную тоску по нему. Помню, что я даже разговаривал со звездами. Нет, мне никто не отвечал, – Сергей улыбнулся, – но мне тогда казалось, что где-то там меня слышат и понимают. Мне казалось, что где-то там, далеко, мой дом. Мой настоящий дом. А здесь я всего лишь гость. Случайный гость, по каким-то не случайным законам вселенной, неслучайно оказавшийся здесь, на Земле. С годами эта тоска прошла. Но я ее запомнил, Стас, хорошо запомнил. Тоска ушла, а на смену ей пришло желание летать. Желание, просто быть в небе. И чем ближе к звездам, тем лучше, – Шалыгин опустил голову и посмотрел на Станислава Павловича, – Стас, ты веришь в Бога? Как ты думаешь, для чего мы живем, и как вообще появились? Каков смысл существования?

– Ну ты, Сергей Иванович, загнул, – Ступин удивленно смотрел на Шалыгина, – Ты на меня еще поповскую рясу одень, да попроси, что бы я тебе все твои грехи отпустил.

– Я серьезно, Стас, – Шалыгин вновь посмотрел вверх, – Ты посмотри сколько звезд. Ты посмотри какая красота. У себя в кабинете ты такого не увидишь. Как ты думаешь Палыч, есть ли у вселенной предел? Кончается она где-нибудь или нет? Вот Эйнштейн предполагал, что кончается. А что дальше за этими границами? Как вообще устроен мир?

– Как устроен? – задумался Станислав Павлович, – А кто его знает, как он устроен. Согласен я с тобой, Серега. Действительно красиво. Иногда звезды просто околдовывают.

– Вот, Палыч, ты тоже это чувствуешь.

– Что?

– Единение со всем сущим, – немного подумав ответил Сергей.

– Что? Что? – переспросил Ступин и странно посмотрел на Шалыгина.

– Как бы тебе объяснить, что бы было понятно, – замешкался Сергей, – Я думаю, что мы все чувствуем связь. Связь с космосом. Кто-то больше. Кто-то меньше. Но эта связь есть у всех. Только некоторые люди атрофировались. Мутировали. Забыли о том, что мы частички вселенной. Забыли о том, что мы часть природы. И только звездное небо иногда напоминает нам об этом и восстанавливает потерянную связь.

– Стареешь ты Серега. Я думаю, это кризис... – Станислав Павлович хихикнул, – ...Кризис... Как же это, мать его за ногу? Кризис среднего возраста, кажется.

Сергей засмеялся и не отводя глаз со звезд, сказал: «Палыч, вот с тобой о высоком говорить совершенно нельзя. Я тебе одно, а ты мне совсем про другое. Я тебе о вечном, а ты... Кстати, какой кризис? – он посмотрел на Ступина, – Как ты его назвал?

– Кризис среднего возраста, – улыбаясь, повторил Ступин, – У меня тоже, что-то похожее было. Примерно, в твоём возрасте.

– В моем возрасте? – засмеялся Сергей, – Да ты старше меня всего на семь лет. Ну, может чуть-чуть побольше.

– Не перебивай, – продолжал Станислав Павлович, – Знаешь, какие мне тогда в голову мысли лезли? Жуть просто. Депрессия, одним словом.

– И откуда, у тебя такие познания в психологии, – спросил Шалыгин.

– Откуда? Откуда? Оттуда, – ответил Ступин, – И хватит перебивать, – Станислав Павлович немного помолчал, а затем продолжил, – Знаешь, Серега, что мне тогда помогло? Семья. Мысли о жене и детях, – Ступин вдруг перестал улыбаться и серьезным голосом сказал, –

Женится тебе надо было, Сергей. Женится... И давно жениться... После того как... Ну, ты сам понимаешь.

– После того, как ее не стало? – Сергей опустил голову и уставился куда-то в даль.

– Да. Ты только не заводись, – в голосе Станислава Павловича прозвучало чувство вины, – Я знаю, тебе не нравятся такие разговоры. Но как друг другу, я должен сказать. Ведь сколько лет прошло, Серег, а ты все холост. Знаю... Знаю, были у тебя легкие флирты, но это не то. Совсем не то. Влюбится тебе надо было. Влюбиться. И давно. А давай, – у Супина загорелись глаза, – после испытаний мы с тобой куда-нибудь сходим.

– Куда?

– Куда? Куда? Дразнить верблюда, – Станислав Павлович поставил ударение на слог «да», – Ну че ты как маленький. По бабам. Куда ж еще. Я смотрю ты совсем отупел. Не хорошо на тебя кризис влияет. Совсем не хорошо.

Шалыгин засмеялся.

– Сходим. Тряхнём стариной, – продолжил Ступин, – Ну и подберем тебе кого-нибудь, заодно. Я своей скажу, что в командировочку отправляют. На несколько дней. Ну мы с тобой и-и-и...

Ничего не сказав, Шалыгин, вновь посмотрел на звездное небо.

– Ты найди себе кого-нибудь, Сергей, – тихо сказал Ступин, задрал голову вверх, – Плохо быть одному. Не правильно. Вот поэтому тебе всякие мысли в голову и лезут. Не правильные. Неужели она для тебя так много значит. Неужели ты ее до сих пор любишь. Ведь это было так давно...

– Люблю, Палыч, – перебил его Сергей, – Люблю. До сих пор люблю. Не знаю... – он посмотрел на Ступина, – ...может я какой-то старомодный. Может я однолюб. Может я последний романтик. А может я просто идиот, но я ее люблю, Стас, люблю. И, наверное, буду любить ее всегда. И, наверное, буду любить ее вечно. Такой уж я есть. И меня не изменить. Поздно уже менять. Наверное, поздно.

Станислав Павлович ничего не ответил, а просто молча смотрел на небо.

– Кстати, она мне снилась на днях. Несколько раз подряд снилась, – после недолгой паузы, сказал Сергей, – Опять... Опять, наверное, о чем-то предупредить хочет. Как тогда...

– Подполковник, – голос Ступина стал твердым и командным, и Шалыгин сразу вспомнил, что перед ним стоит не просто друг, а еще и его непосредственный начальник, и к тому же офицер, ранг которого выше, – А ну ка прекратите вот это вот, свое... – Станислав Павлович не нашёл слов, а только прожог Шалыгина грозным взглядом, – ...Я понимаю, вы летчики народ суеверный. Наслышан о вас. Наслышан... Сплюнь через плечо. Черная кошка пробежала. Через порог нельзя здороваться. Ну прям детский сад какой-то. Ей Богу, – Станислав Павлович немного понизил голос, – Приснилось ему что-то. Эка невидаль. Мало ли что там можно увидеть во сне. Вот присниться мне, что кирпич на голову упадет, и что, мне теперь из дому нельзя выйти? Ты это давай, прекращай, жути нагонять перед испытаниями, – речь Ступина стала ровной и тихой, – Приснилось ему, видите ли. Это еще не о чем не говорит. А тогда, когда перед тем как заглох двигатель, и ты якобы до этого видел во сне Свету, это... Это было просто совпадение. Всего лишь простое совпадение. И не более. Понял?

– Так точно, – тихо ответил Сергей, – Понял.

– И чтобы больше не геройствовал, – Ступин снова повысил голос, – Я тебе как твой начальник... Я тебе как инспектор, отвечающий за проведение испытаний и как старший по званию, приказываю... – Станислав Павлович посмотрел Шалыгину в глаза, а затем тихо добавил, – Нет, я тебя просто как друг, прошу: если, не дай Бог, что-то пойдет не так; если что-то произойдет, и возникнет ситуация, связанная с риском для жизни, не думай. Катапультируйся. Не стоит эта железка того, чтобы ради нее умирать. Не стоит она жизни человека. Понял?

– Понял!

– И хрен с ним, с этим самолетом, – Ступин махнул рукой, – Еще сделают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.